

**ЗАМЕЧАНИЯ НА ПОСЛЕДНИЕ ЧЕТЫРЕ ГЛАВЫ
ПЕРВОЙ КНИГИ МИЛЛЯ**

РАЗЪЯСНЕНИЕ СМЫСЛА МАЛЬТУСОВОЙ ТЕОРИИ

I

История мальтусовой теоремы

Обстоятельства, породившие теорию Мальтуса, вероятно известны каждому читателю; но мы все-таки припомним их здесь, потому что это поможет разъяснению сущности дела.

Идеи, выразившиеся событиями французской революции, имели себе сильный отголосок и в Англии, откуда были принесены во Францию первые зародыши их. Масса английского общества в первые годы революции сильно сочувствовала ей, и поэтому приобрели большое общественное значение в Англии демократические писатели. Самым замечательным из них по таланту был Годвин. Его «Исследование о политической справедливости» имело громадный успех. В то время, когда явилось оно (1793 г.), в Англии уже начиналась реакция, но большинство образованной публики еще сочувствовало идеям, начавшим подвергаться правительственному преследованию. Реакция еще не окрепла настолько, чтобы иметь замечательных теоретических защитников. Благодаря войне с Францией, она быстро росла в следующие годы, и под ее влиянием английское общество начало находить, что идеи, еще недавно очаровавшие его, непрактичны, губительны и преступны. Пока не было этого расположения умов, не могло являться таких апологий старины, которые имели бы теоретическое достоинство. Берк и другие бесчисленные панегиристы прежнего порядка писали только воззвания к предрассудкам, [которые] могли нравиться лишь невеждам или людям, заинтересованным в сохранении злоупотреблений. Теперь пришла иная пора. Люди рассудительные, люди нерасположенные защищать злоупотреблений, друзья прогресса стали думать, что французская революция — отвратительное

безумство, а принципы ее ложны. Этим новым расположением умов скоро было (в 1798 году) порождено и теоретическое опровержение покинутого обществом увлечения. Этому внутреннему отношению идей соответствовал даже и внешний повод, из которого возникла книга Мальтуса. Чтение одной из статей Годвина, «О скупости и расточительности» (она явилась в 1797 году в периодическом издании Годвина «Исследователь», *Inquirer*), возбудило в Мальтусе потребность заняться защитой учреждений, против которых восставали революционные писатели⁸⁸.

Старые учреждения никогда не имели недостатка в защитниках. Но политические тенденции той части английского общества, публицистом которой явился Мальтус, были таковы, что все прежние возражения против революционных идей казались ей неудовлетворительны; неудовлетворительными казались они и самому Мальтусу. Он принадлежал к партии умеренных либералов, которые рассуждают очень свободно, пока дело идет о второстепенных учреждениях, очень любят личный и почтенный прогресс и становятся консерваторами лишь тогда, когда усиливаются в обществе революционеры, не ограничивающиеся критикою маловажных подробностей, а стремящиеся изменить самые основания существующего порядка. Прежде противниками демократических идей в Англии были только приверженцы застоя, защитники средневековых учреждений; их возражения против демократов основывались на реакционных принципах, вели к провозглашению справедливости и пользы средневековых учреждений; партия, к которой принадлежал Мальтус, была враждебна тем особенностям, которыми XIII век отличался от XVIII; она считала благом те принципы, на которых основывался общественный порядок в прежние все периоды высокого общественного развития. Аргументы реакционеров защищали не сущность этих принципов, а средневековые формы их; для умеренных либералов нужна была другая теория, которая отвергала бы стеснительные средневековые подробности, показывала бы необходимость только коренных принципов и допускала бы некоторый прогресс в их развитии. Такая теория и оказалась результатом исследований Мальтуса.

Дух книги Мальтуса⁸⁹ таков: надобно заботиться об улучшении существующих учреждений, а не разрушать их, не стремиться к основанию общественного устройства на иных принципах, потому что никакие иные принципы не могут дать обществу большего благосостояния, чем какое дается нынешним коренным его принципом, частной собственностью.

Но умеренно-либеральное настроение не может неизменно господствовать над общественным мнением: оно чередуется с радикальным и реакционным настроением. Умственная история общества состоит в постоянной смене этих трех расположений. Недостатки существующего вызывают критику; она

сначала обращается лишь на недостатки, заметные с первого взгляда; это пора умеренных либералов; но критическая мысль, развиваясь далее, находит, что под явлениями, очевидно неудовлетворительными, лежат принципы, на которых построен весь общественный порядок, что второстепенных явлений нельзя устранить, не устраняя этих коренных причин; тогда умеренно-либеральная критика переходит в радикальную; так, за Монтескье явился Руссо; за Мирабо — Робеспьер. Привычка к коренным принципам общественного устройства чрезвычайно сильна в массе, и огромное большинство общества скоро замечает, что радикалы, увлекшие его, идут гораздо дальше, чем может оно идти по своим понятиям, что вместе с недостатками, которыми оно тяготилось, ниспровергают они вещи, которыми оно очень дорожит. Тогда начинается другое настроение мыслей: касаться оснований общественного устройства — это злодейство или безумие; довольно устранить второстепенные недостатки. Опять настает пора умеренного либерализма: за конвентом следуют директория и консульство; законы для Франции снова составляются под влиянием Сиеса, Талейрана и других, замолкавших во время конвента. Но мысль, породившая переход от радикализма к умеренному либерализму, продолжает развиваться, и общество начинает думать: «не в том дело, дурны или хороши, сами по себе, второстепенные явления, против которых восстают умеренные либералы, защищающие неприкосновенность основных принципов; дело в том, что эти явления неразлучны с основными принципами, что уничтожить их значит подрывать и основные принципы; а этих основных принципов нельзя касаться, следовательно надобно также сохранить или восстановить явления, необходимые для них». Это период крайней реакции; Наполеон с насмешкою отталкивает Сиеса и перестает слушать Талейрана; конституционный порядок директории, ставший почти только призраком во время консульства, переходит в полный абсолютизм империи. Тут опять начинается прежняя история. Общество, увлекшееся реакцией, начинает тяготиться ею; оно думает: «основания существующего порядка хороши, но есть в нем второстепенные тяжелые неудобства и надобно отстранить их». С этим опять настает пора умеренного либерализма, поднимают голос против Наполеона Бенжамен Констан и Лафайэт, бывшие бессильными во время увлечения общества империей: она падает, и никакие усилия эмигрантов не могут обратить ее падения в пользу новой реакции, потому что поток мыслей стремится по противоположному направлению, от реакции к либерализму. Сначала либерализм очень умерен: Бенжамен Констан, Ройе Колар и Гизо совершенно удовлетворяют требованиям большинства, и Франция живет под конституционную хартию 1814 года; но развитие критики идет дальше, реставрация сменяется июльской

монархией, потом дело доходит и до февральской революции, и опять за революционным периодом следует либерализм Ка-
веньяка, кончающийся абсолютизмом новой империи⁹⁰.

Такова вечная смена господствующих настроений обществен-
ного мнения: реакция ведет к умеренной, потом к радикальной
критике; радикализм ведет к умеренному, потом к реакцион-
ному консерватизму, и опять от этой крайности общественная
мысль переходит в противоположную крайность через умерен-
ный либерализм. Этим переменам подверглась и теория, возни-
кающая из факта, резко выставленного вперед Мальтусом.

Мы видели, что книга Мальтуса принадлежала первой поло-
вине движения общественного мнения от радикальных стрем-
лений к реакции. Мальтус говорил: основания экономического
устройства не должны быть изменяемы, но должно заботиться
о частных улучшениях. Разумеется, факт, им указанный, повел
к иным заключениям, когда восторжествовало совершенно реак-
ционное расположение мыслей.

Мальтус говорил: главная масса бедствий, которым подвер-
гает людей нищета, происходит не от человеческих учреждений,
против которых восстают радикалы; нищета с своими послед-
ствиями производится законом самой природы, действие кото-
рого не усиливается, а, напротив, смягчается учреждениями, ос-
нованными на частной собственности; ввести равенство и об-
щность имуществ, значило бы только дать больше простора
действию естественного закона, вносящего в массу всякого об-
щества нищету со всеми ее страданиями и пороками. Реакцио-
неры вывели из этого заключение, очень логическое и совер-
шенно отвергавшее либеральную примесь, которая у самого
Мальтуса сглаживала жесткость основной мысли. Если нищета
и страдания происходят от естественного закона, непобедимого
никакими человеческими учреждениями, сказали они; если
уменьшать неравенство в распределении собственности значит
только увеличивать массу нуждающихся, то не напрасны ли или,
лучше сказать, не вредны ли всякие заботы об улучшении об-
щественного быта? Его недостатки спасительны; учреждения и
обычаи, против которых восстают либералы, охраняют общество
от бедствий, гораздо больших, чем какие приносят. Эти выводы,
возмущавшие людей слабохарактерных, неопровержимо выте-
кали из коренной мысли Мальтуса. Порок — дурная вещь, но
он задерживает размножение людей, которое наделало бы несча-
стий, гораздо больших, чем порок, если бы не задерживалось
им; война истребляет множество людей, но если б не было
войны, люди стали бы размножаться так, что от голода уми-
рало бы их больше, чем умирает от войны. Вообще все, что счи-
тается бедственным, служит предохранением от гораздо боль-
ших бедствий, и потому должно в сущности считаться благо-
детельным. Преступления, разврат, насилия всякого рода, —

это ножи, которыми рука природы прочищает ветви дерева, беспрестанно разрастающиеся до излишней густоты, так что все дерево заглохло бы, засохло бы без этой прочистки. Если бы люди, говорившие это, были вполне последовательны, они должны были бы сказать, что надобно заботиться не об уменьшении, а об увеличении страданий массы людей: надобно не противодействовать, а покровительствовать всяческому порокам. Но перед таким выводом они останавливались, и вместо того, чтобы говорить: «надобно делать общественные учреждения и обычаи как можно более дурными», они говорили только: «напрасно исправлять их».

Сам Мальтус вовсе не хотел такого вывода. Он был друг улучшений, лишь бы не коренных улучшений. Но принципы, высказываемые людьми умеренными, всегда ведут к следствиям гораздо более резким, чем хотят сами эти люди: когда общество от умеренно-либерального расположения переходит к реакционному или радикальному настроению, оно открывает в мыслях, имевших умеренный тон, принципы реакционных или радикальных теорий.

Мальтусова формула возникла в период, когда общество шло от радикальных идей к реакционным и первые комментарии на эту формулу были даны реакциею. Когда началось обратное движение от реакции к радикальному настроению, явились комментарии другого рода. В первой половине этого движения, когда оно имело по обыкновению умеренно-либеральный характер, новые комментаторы Мальтуса стали смягчать его принцип. Он и сам, как мы говорили, старался смягчать его, но реакционные разъяснения показали неудовлетворительность оговорок, которыми он успокаивал себя. Если закон природы действует с такою силою, какую приписывал ему Мальтус, то либеральные экономисты не могли ничего возразить против реакционных выводов из мальтусовой теоремы. Что ж было им делать? Они стали самым странным образом затемнять ее смысл фактами, которые именно и служили резким ее подтверждением. Обыкновенная форма этих нелепых попыток была такова: «Мальтус говорит, что люди размножаются по геометрической прогрессии и число их должно удваиваться через 25 лет. Франция в 1790 году имела 25 миллионов жителей; по мальтусовой теореме она в 1840 году должна была иметь 100 миллионов, а действительно имела только 35; итак, мальтусов закон не подтверждается фактами; он не имеет вечной повсеместной силы. Мальтус говорит, что с размножением людей уменьшается доля продовольствия, приходящаяся на каждого; а во Франции теперь люди продовольствуются лучше, чем прежде, когда число их было меньше; итак, мальтусова теорема — совершенное заблуждение». Ничего не может быть тупоумнее таких возражений. Мальтус именно то самое и говорил, что почти никогда и почти

нигде число населения не возрастает по той прогрессии, какую нашел он, и что эта разница между полным естественным и между действительным возрастанием населения производится преждевременною смертью от нужды и пороков. Если Франция в 50 лет приобрела только 10 миллионов, а не 75 миллионов лишних жителей, это значит, что множество людей в ней погибло от нищеты. Но в эти 50 лет произошли некоторые усовершенствования, давшие ей возможность кормить несколько большее число людей, чем прежде; Мальтус вовсе и не отрицал возможности или влияния этих улучшений; он только говорил, что размер их не может идти в уровень с быстротою, с какою стремится возрастать население, и что излишек рождающихся погибает от этой несоразмерности. Он не говорил также, что народные обычаи относительно продовольствия не могут улучшаться. Он говорил только, что при одинаковых общественных условиях продовольствие массы бывает тем хуже, чем многочисленнее население. С 1790 до 1840 года французские обычаи и учреждения улучшились, земледелие усовершенствовалось и, благодаря этому, Франция могла бы в 1840 году производить для 40 или 45 миллионов такое же продовольствие, какое производила в 1790 году для 25 миллионов. Но люди от улучшения учреждений и обычаев стали в этот период разборчивее прежнего относительно продовольствия; они вместо ржаного хлеба стали требовать пшеничный, в прибавок к нему стали требовать овощей; такого продовольствия Франция может производить при нынешнем своем состоянии только на 35 миллионов, а не на 40 или на 45, как могла бы производить по прежнему менее разборчивому вкусу. Потому вместо 100 миллионов она имеет только 35; только благодаря тому, что эти недостающие 65 миллионов не были рождены или погибли, могло несколько улучшиться продовольствие существующих 35 миллионов. А если бы размножение шло еще медленнее, если бы вместо 35 миллионов было во Франции только 30, то продовольствие для них было бы еще лучше. Вот только это и говорил Мальтус.

Такое выставление фактов, подтверждающих известную мысль, за возражения против нее, составляет один из путей, по которым умеренный либерализм отделяется от крайних теорий; но еще обыкновеннее другой путь в развитии умеренно-либеральных теорий: несовместный с теориею принцип просто перестает обращать на себя внимание. Этой участи подвергаются не только радикальные принципы, но и реакционные: как перестали слушать Годвина, с прекращением радикального настроения, так с развитием умеренно-либерального воззрения перестали обращать внимание на мальтусову теорию, получившую реакционный характер. В курсах политической экономии излагалась на известной странице эта теория, и затем вся остальная книга уже не имела никакого отношения к ней. Маль-

тус сделался чем-то вроде почтенной бабушки, с которой принято в семействе обращаться уважительно, нimalo не слушая того, что она толкует. Разумеется, впрочем, что дело не могло на этом остановиться. Критика общественного устройства все более и более развиваясь, получила опять радикальный тон, и умеренные либералы, испуганные радикализмом новых теорий, принуждены были наполовину обратиться в реакционеров. Для защиты коренных оснований общественного порядка они опять прибегли к принципу Мальтуса, который старались смягчить и забыть, пока боролись против реакционеров. Когда истощаются все другие возражения против радикальных нововводителей, то последним непреодолимым аргументом представляется невозможность увеличивать производство продовольствия с быстротою, соразмерною прогрессии, по какой люди имеют способность размножаться. Таким образом вопрос возвращается к тому самому положению, в какое поставлен был Мальтусом.

Это коренное положение дела всего точнее определяется словами самого Мальтуса. Изложив свою теорию в двух первых книгах трактата, в начале третьей книги он обнаруживает, какую цель имеет его исследование.

«Рассматривая прошедшее и настоящее положение человеческого рода с нашей точки зрения (говорит Мальтус), нельзя не удивиться тому, что писатели, говорившие об усовершенствовании человека или общественного устройства и замечавшие силу принципа населения, обращали так мало внимания на его последствия и все считали происходящие от него бедствия удаленными от нас на пространство почти бесконечное. Они думали (продолжает Мальтус), что с той стороны не представится никакого затруднения до поры, когда вся земля будет возделана как сад, и когда уже нельзя будет увеличить массу ее продуктов. Если бы действительно было так, и если бы другие обстоятельства не мешали осуществлению системы равенства, то перспектива столь отдаленного затруднения, конечно, не должна бы охлаждать нашей ревности к исполнению полезного плана. Но дело в том, что опасность вовсе не так отдаленна, — напротив, она близка и тяготеет над нами. В какую бы эпоху, от настоящей минуты до того времени, когда земля обратится в обширный сад, ни было учреждено равенство, недостаток пищи, несмотря на успехи земледелия, все-таки будет чувствоваться людьми. Напрасно масса продуктов будет с каждым годом возрастать: население будет возрастать по прогрессии еще гораздо быстрее, и все-таки его излишек должен будет уничтожаться постоянным или периодическим действием нравственного воздержания, разврата или нищеты»⁹¹.

Сделав с этой точки зрения несколько замечаний против Уоллеса и Кондорсе, не полагавших никакой границы развитию

человеческого благосостояния⁹², Мальтус переходит к возражениям против теории Годвина, мысли которого и были прямым поводом ему заняться своим исследованием.

«Читая замечательный трактат Годвина о политической справедливости (*An inquiry concerning political justice*), поражаешься живостью и энергиею его языка, силою и точностью некоторых его выводов, жаром, с которым он представляет их, а в особенности тоном убеждения, господствующим в этом трактате и придающим значительный вид истины его мыслям. Но должно признаться, что он не всегда успевает опровергнуть возражения, которые сам излагает.

«Система равенства, предлагаемая Годвином, кажется на первый взгляд самую обольстительнейшую вещь, какую только можно представить себе. Нельзя смотреть на эту великоленную картину, не чувствуя удивления и наслаждения, не чувствуя желанья видеть ее осуществленной. Но — увы! — она неосуществима.

«Главная ошибка Годвина, господствующая над всей его книгой, состоит в том, что он приписывает человеческим учреждениям все пороки и бедствия. Но если некоторые из бедствий, производимых человеческими учреждениями, и чувствуются очень сильно, то все они должны считаться легкими, поверхностными по сравнению с теми, которые происходят от законов природы и человеческих страстей»⁹³.

Годвин отрицает собственность, находя, что она мешает водворению общего благосостояния⁹⁴. Но предположим, говорит Мальтус, что осуществлена система самого Годвина. Посмотрим, не возникнут ли и при этом превосходнейшем устройстве общества все те бедствия, которые полагает устранить Годвин своею системою.

«Предположим, что на острове Великобритании успели устранить все причины порока и нищеты; война и вражда кончились; уничтожились фабрики и нездоровые работы; люди уже не теснятся в городах, где предаются интригам, торговле, непозволительным наслаждениям. Простые, полезные удовольствия заменили игру, вино, разврат. Города имеют ограниченный размер, уже не вредный для людей, живущих в них; а почти все население этого земного рая живет в деревнях и фермах, разбросанных по всей стране. Все люди равны. Прекратились труды для производства предметов роскоши, а земледельческие труды распределены между всеми так, что никого не обременяют. Предположим на этом острове число жителей и количество продуктов такое же, как ныне. Владычествующий на нем дух благорасположения, руководимый самою беспристрастною справедливостью, будет распределять продукты между всеми членами общества так, чтобы каждый имел сколько ему нужно. Невозможно будет всем иметь каждый день мясную пищу, но расти-

тельная пища, по временам приправляемая нужным количеством мяса, будет вполне удовлетворять желаниям умеренного народа и поддерживать во всех жителях здоровье, бодрость сил и веселость.

«При таких поощрениях к размножению населения, при уничтожении всех важных причин, уменьшающих его, число жителей будет возрастать с беспрецедентной быстротой. Я имел случай говорить, что жители внутренних поселений Америки удваиваются в числе в течение пятнадцати лет. Английский климат, конечно, здоровее, чем климат внутренних земель Америки, а мы предположили, что все дома острова будут иметь здоровый и чистый воздух, и поощрения к возрастанию населения будут на этом острове еще значительнее, чем в Америке; потому нет причины числу его жителей не удваиваться, если это возможно, менее чем в пятнадцать лет. Но чтобы наша гипотеза осталась ниже действительного предела, мы положим период в двадцать пять лет, — период более продолжительный, чем тот, по какому оно удваивается в Северо-Американских Штатах.

«Несомненно то, что равенство, введенное в собственность, вместе с направлением труда к земледелию, значительно увеличит при нашем предположении количество продуктов страны. Но кто знает качество почв, степень плодородия возделываемых земель и бесплодия невозделываемых, тот едва ли поверит, чтобы в двадцать пять лет можно было удвоить продукт страны. Как ни трудно это, но предположим, что цель достигнута. В конце периода будет достаточно пищи, чтобы поддержать в хорошем состоянии удвоившееся население, имеющее 22 000 000 человек.

«Но где найдется в следующем периоде пища для удовлетворения настойчивым требованиям постоянно возрастающего числа жителей? Из людей сколько-нибудь знающих этот предмет наверно не найдется ни одного, который почел бы возможным, чтобы продукт в этом периоде увеличился таким же количеством, на какое увеличился в первом. Однакоже допустим такой закон увеличения продукта, хотя он неимоверен. Сила доказательства, представляемого мною, позволяет делать почти безграничные уступки. Но сделав эту уступку, мы все-таки увидим, что в конце второго периода остается 11 000 000 человек без всяких средств пропитания. Количество продуктов, достаточное для прокормления 33 000 000, должно было бы в это время разделяться между 44 000 000.

«Что же делается теперь с этой картиной, изображавшей нам людей живущими в лоне изобилия, избавленными от беспокойства о средствах существования. Это блестящее создание фантазии исчезает при свете истины. Дух благорасположения, возбуждаемый и питаемый изобилием, подавляется нуждою. Снова являются низкие страсти, искушения становятся непобедимы по

своей силе. Скоро все пороки следуют за обманами. Живые краски здоровья заменяются бледностью голода.

«Тут не участвует ни одно из учреждений, которым Годвин приписывает все пороки испорченных сердец. Эти учреждения не мешают здесь ни общему, ни частному благу. Тут не существовало никакой монополии, удерживавшей за немногими людьми выгоды, которые по разумным понятиям должны стать общим достоянием. Тут нельзя сказать, чтобы кто-нибудь возбуждался к нарушению порядка несправедливыми законами. Благорасположение царствовало во всех сердцах, а между тем вот через недолгий период пятидесяти лет снова обнаружились насилие, обман, нищета, обнаружились все ненавистные пороки, мрачащие и бесчестящие нынешнее общество, и они порождены самими законами нашей природы, — никакое человеческое учреждение не содействовало их появлению.

«Если мы еще не убедились, перейдем к третьему двадцатипятилетнему периоду, и мы увидим 44 000 000 человек без средств к жизни. В конце первого столетия население увеличится до 176 000 000, между тем как продовольствия будет только для 55 000 000, и таким образом 121 000 000 не будут иметь никаких средств пропитания. В эту эпоху нужда будет чувствоваться всеми, повсюду будут господствовать грабеж и убийства; а между тем мы предположили безграничное возрастание нынешнего продукта, и возрастание такое, какого не может надеяться человек самый смелый в надеждах.

«Я очень хорошо знаю, что эти лишние миллионы, о которых я говорю, вовсе и не получили бы существования. Годвин совершенно справедливо замечает, что «в человеческом обществе есть принцип, по которому население постоянно удерживается в границе средств продовольствия». Вопрос только в том, что это за принцип? Не в том ли он состоит, что нищета или боязнь нищеты составляют необходимые следствия законов природы?

«В моем предположении возрастание населения принято бесспорно меньшее, а возрастание продукта бесспорно большее действительного. Надобно полагать, что при обстоятельствах, нами принятых, население стало бы возрастать с быстротою, никогда невиданною. Итак, если мы примем период удвоения вместо 25 лет в 15 лет, и если мы и думаем о труде, нужном на то, чтоб, если можно, удвоить годичный продукт в столь короткое время, то мы не усомнимся сказать, что, предполагая план Годвина осуществившимся, он будет непременно разрушен принципом населения менее чем в 30 лет.

«Люди, уважаемые мною, замечали мне, что в новом издании я мог бы выбросить разбор систем Уоллеса, Кондорсе и Годвина, потому что они потеряли значительную часть своего интереса и потому, что разбор их имеет мало связи с главным предметом моего трактата. Но я дорожу этою частью своего труда, —

она и привела меня к тому, что я занялся главным предметом его; кроме того, я думаю, что надобно делать возражения против систем равенства, основанных на принципе населения.

«Во всех человеческих обществах и особенно в наиболее цивилизованных, пользующихся наибольшим благосостоянием, внешнее положение дела таково, что в поверхностных наблюдателях рождается мысль, будто бы можно было произвести значительное улучшение, учредив систему равенства. С одной стороны они видят изобилие, с другой — нужду; им кажется, что естественное и очевидное средство против нужды было бы равное распределение продуктов; они видят громадное количество труда теряющимся на предметы пустые, бесполезные и даже вредные, между тем как весь этот труд можно было бы сберечь или употребить более удовлетворительным способом. Они видят беспрестанные изобретения в устройстве машин, — изобретения эти должны бы, казалось, значительно уменьшать суммы работ. А между тем при всех этих видимых средствах ко всеобщему распространению изобилия, благосостояния и возможности отдыха они видят, что не уменьшается труд людей, составляющих главную массу общества, а состояние этих людей если не ухудшается, то и не улучшается, по крайней мере не улучшается заметным образом.

«Неудивительно, что при таких обстоятельствах беспрестанно возобновляются предложения, стремящиеся к учреждению какой-нибудь системы равенства. Я делаю эти замечания и вместо того, чтобы выбросить разбор систем равенства, прибавляю к нему новые рассуждения, потому что теперь есть стремление к возобновлению таких систем.

«Человек, к которому я питаю истинное уважение, г. Овен, издал недавно книгу под заглавием «*A new view of Society*» (общество в новом виде); цель этой книги — приготовить публику к введению системы общего труда и общности имущества. Известно также, что в низших классах английского общества распространилось мнение, что земля собственность народа; что рента, доставляемая землею, должна разделяться между всеми поровну.

«Я считаю г. Овена человеком, имеющим добрые намерения и сделавшим много добра. Всякий друг человечества должен от глубины сердца желать успеха его усилиям склонить парламент к изданию закона, которым бы ограничивались часы работы детей на хлопчато-бумажных фабриках и запрещалось бы употреблять на работу детей слишком малых лет. Он имеет право быть выслушиваем во всем, что относится к воспитанию, потому что не мог не приобрести в этом опытности и знания. много лет управляя воспитанием двух тысяч работников своей фабрики и достигнув успеха по своей методе. Теория, говорящая о себе, конечно достойна большего внимания, чем теории, порожденные только кабинетными размышлениями»⁹⁵.

Мальтус делает Овену несколько второстепенных возраже-

ний, заимствованных из психологии и из английских законов, но главное возражение попрежнему состоит в том, что если способность размножаться получит полный простор от общего изобилия, то число населения скоро превзойдет всякую возможность получать от земли нужное количество продовольствия, и все-таки возродится бедность со всеми своими последствиями.

Этот отрывок должен, кажется, достаточно подтвердить наши слова о происхождении и цели книги Мальтуса. Он занялся своим исследованием для того, чтобы защитить коренные основания существовавшего экономического устройства, и думал, что действительно нашел аргумент, изблотивший бессилие всяких коренных реформ устранить нищету. После этого, какою поразительною неожиданностью было, что коммунисты, явившиеся после Мальтуса, стали доказывать необходимость замещения нынешнего экономического устройства коммунистическим, на основании того самого закона, указанием которого Мальтус думал поразить коммунизм. Фурье, например, одним из главнейших преимуществ своей системы прямо ставит то, что при ней, без всякого стеснения естественных склонностей человека, размножение людей останавливается на известном количестве, допускающем высокое общее благосостояние, между тем как при нынешнем устройстве, несмотря на все болезни, лишения, войны, люди размножаются слишком быстро⁹⁶. Прудон также доказывает, что по самому закону Мальтуса водворение равенства непременно должно вести к общему благосостоянию⁹⁷. Мы не можем здесь излагать ни теории Прудона, ни системы Фурье, но довольно будет предупредить читателя, что сам Милль в первой главе следующей книги называет коммунизм таким устройством, которое более всякого другого способно предотвратить излишнее размножение людей.

Мы видим, что какой экономической теории кто держится, такой вывод и делает из теоремы Мальтуса: приверженцы неравенства доказывают ею бесполезность и даже гибельность равенства, по примеру самого Мальтуса; но и крайние приверженцы равенства, коммунисты, выводят из той же теоремы необходимость водворения своей системы общественного устройства; из людей всех оттенков мнений, расположенных по середине между этими двумя крайностями, каждый также находит, что именно его мнение наилучшим образом соответствует условиям, возникающим для общественного устройства из мальтусовой теоремы. Это показывает нам, что теорема Мальтуса, в том виде, как была изложена у самого Мальтуса, не представляет законченной истины, которая имела бы определенный смысл. Видно, что исследования Мальтуса не доведены до конца, что он оставил произволу каждого, и в том числе своему собственному произволу, простор впасть в теорию населения какой хотите смысл. Оно так и должно было быть.

Припомнив цель, с которою занялся своими исследованиями Мальтус, мы естественно должны предположить, что он остановился на половине пути к истине. В самом деле, что ему было нужно? — Он хотел опровергнуть теорию Годвина. Нашедши формулу, которая показалась ему удовлетворяющей этому требованию, он успокоился на ней. Посмотрим, можно ли успокоиться на представленных им данных, если цель наша состоит не в опровержении годвиновой или какой-нибудь другой теории, а просто в том, чтобы отчетливо представить себе ход дел по законам природы и действиям различных общественных отношений.]

II

Величина элементов мальтусовой теоремы

Население имеет способность размножаться с быстротою, с какою не может возрастать земледельческий продукт, говорит мальтусова теорема. Это вывод, являющийся из сравнения двух прогрессий, — прогрессии, по которой могут размножаться люди, и прогрессии, по которой может возрастать земледельческий продукт. На каких же исследованиях основано построение той и другой прогрессии?

Читатель знает коренное место всей книги Мальтуса, — место, в котором он строит необходимые для вывода прогрессии. Но мы попросим читателя еще раз просмотреть эту цитату, потому что должны применить к ней замечания, которые покажутся ему слишком резкими, если он не будет в состоянии тотчас же проверить их справедливость сличением их с подлинными словами Мальтуса.

«В Северо-Американских Штатах население в течение больше нежели полутора столетий удвоивалось быстрее, чем в каждые 25 лет. Итак, мы можем принимать за достоверное, что когда население не задерживается никакими препятствиями, то оно удваивается каждые 25 лет и возрастает по геометрической прогрессии.

«Не так легко определить размер возрастания земледельческого продукта. Но мы наверное знаем, по крайней мере, что этот размер совершенно не таков, как размер, по которому растет население. Человек живет в ограниченном пространстве. Когда вся плодородная земля возделана, возрастание продовольствия зависит от улучшения уже возделываемых земель; это улучшение не может иметь постоянно возрастающего успеха; напротив, его успехи будут все менее и менее значительны. Судя по тому, что мы читаем о Китае и Японии, надобно думать, что все усилия человеческого искусства не могут удвоить в этих странах земледельческого продукта даже в самый продолжи-

тельный период. В Европе можно ожидать некоторых улучшений в земледелии. В Англии и в Шотландии много занимаются его усовершенствованием, однакоже и в этих землях много не-возделанных земель. Посмотрим, до какой степени мог бы увеличиться продукт нашего острова в самых благоприятных обстоятельствах. Мы, вероятно, превзойдем границы правдоподобия, если предположим, что при лучшем хозяйстве земледельческий продукт мог бы удвоиться на нашем острове в первые 25 лет; такое предположение, вероятно, покажется превышающим меру, допускаемую рассудком.

«Решительно невозможно надеяться, чтобы продукт шел по той же прогрессии в следующие 25 лет и чтобы в конце второго периода нынешний продукт учетверился; это противно всем нашим понятиям о плодородии земли. Для каждого, сколько-нибудь знакомого с предметом, очевидно, что ежегодное приращение среднего продукта идет, правильно уменьшаясь. Теперь, чтобы сравнить возрастание населения с возрастанием продовольствия, сделаем предположение, которое при всей своей неточности наверное будет благоприятнее всех результатов опыта для земледельческого продукта.

«Предположим, что ежегодное приращение продукта не будет уменьшаться, а постоянно будет одинаково, так что с каждым двадцатипятилетним периодом к годичному продукту Великобритании будет прибавляться количество, равное всему ее нынешнему продукту. Человек, имеющий самые преувеличенные ожидания, не скажет, что можно предположить большее возрастание. Итак, мы сможем сказать, что средства продовольствия при самых благоприятных обстоятельствах не могут возрасть быстрее, как по арифметической прогрессии.

«Неизбежное последствие этих двух законов возрастания очевидно. Человеческий род будет возрасть в порядке чисел: 1, 2, 4, 8, 16, 32, 64, 128. 256, а продовольствие станет возрасть в порядке чисел: 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 и 9»⁹⁸.

Читатель видит, на чем оперлась мысль Мальтуса, когда он положил, что население может удвоиваться в 25 лет: в Северо-Американских Штатах оно очень долго удваивалось по таким срокам. Просим посмотреть, вспомнилось ли ему тут, что за все это время увеличению числа людей в Соединенных Штатах содействовало переселение туда людей из Европы? Нет, он не вспомнил этого, когда составлял свою теорию. Потом, когда Годвин и другие указали элемент, упущенный им из виду, Мальтус и его последователи стали доказывать, что введением этого фактора в расчет результат мало изменяется. Мало или много, не о том мы теперь говорим: мы только говорим, что одну из своих прогрессий Мальтус составил без всякого внимания к обстоятельству, самым очевидным образом напрашивавшемуся на участие в его соображениях. Из этого мы можем заключить,

много ли критики, много ли осмотрительности было у него, когда он определял одно из оснований для своего вывода. Верен или неверен самый вывод, мы этого не говорим здесь; мы говорим только, что основание для вывода принято без всякой критики, что если мы хотим узнать по вопросу о способности людей размножаться что-нибудь основательное, то Мальтус ничего такого не сообщает нам.

Посмотрим, какие понятия имел Мальтус о способности земледелия к увеличению продукта, когда строил другую свою прогрессию, прогрессию увеличения земледельческого продукта.

Ему казалось, будто бы есть страны, в которых земледелие уже достигло совершенства, едва ли допускающего возможность еще увеличить продукт. Такими странами казались ему Китай и Япония. Мы теперь знаем, что земледелие вообще находится там в положении низшем, чем в Западной Европе. Читатель вспомнит слова Милля о состоянии китайского земледелия (стр. 233—234). В Японии оно не выше. Очевидно, что ошибочное понятие о китайском земледелии сильно направляло мысли Мальтуса к выводу о невозможности увеличивать земледельческий продукт соразмерно способности людей быстро размножаться.

Но еще интереснее его понятие о предмете более близком к нему, — об английском земледелии: ему представлялось неимоверною крайностью предположение, что продукт английского земледелия может быть удвоен в 25 лет. Это — наивность, вызывающая улыбку у людей, читавших нынешние агрономические книги. В Великобритании и Ирландии находится до 61½ миллионов акров (около 25 миллионов гектаров) земли, удобной для земледелия⁹⁹ (Statistik von Kolb, 2-е изд., стр. 5). Мы приводили (прим. 5, стр. 18) слова Гаспарена, что при порядочном устройстве плодопеременной системы. произведениями 100 гектаров земли продовольствуются 931 человек. Итак, Великобритания с Ирландиею при порядочном устройстве плодопеременного хозяйства могли бы продовольствовать более 230 миллионов населения. В 1860 году все количество населения Великобритании с Ирландиею простирается приблизительно до 29 миллионов человек¹⁰⁰ (Kolb, стр. 1). Из них домашними земледельческими продуктами содержатся не более 25 миллионов человек (средний ввоз хлеба в Англию ныне следует считать от 8 до 10 миллионов квартеров¹⁰¹, — Kolb, стр. 25, — количество, конечно, продовольствующее больше нежели 4 миллиона человек). Таким образом жители британских островов могли бы увеличить свой нынешний земледельческий продукт в 9 раз, если бы ввели хорошее хозяйство. Достаточно ли 25 лет для введения хорошего плодопеременного хозяйства в земле, которая имеет уже вообще хозяйство гораздо лучшее, чем простое трехпольное, предоставляем рассудить каждому. Итак, из ны-

нешних агрономических книг видно, что если бы Англия захотела и встретила надобность увеличить свой земледельческий продукт в течение 25 лет не в 2 раза, а в 5 или даже в 9 раз, это было бы вовсе нетрудно при нынешнем состоянии сельскохозяйственных знаний. Не в праве ли мы сказать, что слишком наивны были мысли, под влиянием которых Мальтус воображал, что делает крайнюю уступку, предполагая возможность удвоения земледельческого продукта Англии в 25 лет?

Напрасно стали бы мы искать в целой книге Мальтуса фактов, которые служили бы более точными основаниями для выводов об относительной быстроте, с какою могут возрастать население и земледельский продукт. Конечно, и в те времена, когда составлял он свою теорию, мог бы он найти для обеих прогрессий данные, если не совершенно удовлетворительной точности, то по крайней мере более достоверные, чем те произвольные гипотезы, которыми ограничился он. Например, порядочное плодопеременное хозяйство существовало уже и в конце прошлого века; он мог бы сообразить, какое увеличение продукта дается этою системою. Точно так же существовали в его время некоторые (правду сказать, очень немногие) статистические сведения о количестве рождений в странах, где народные обычаи и учреждения доводили эту цифру до наибольшей величины, к какой только способна человеческая натура. Если б он сообразил эти данные, он увидел бы, какой наименьший срок удвоения допускается самым устройством человеческого организма. Но мысли, которыми был занят он, не дали ему возможности заметить надобность для построения своих прогрессий в изысканиях, более точных, чем те, какими он удовлетворился. [Из отрывков, приведенных нами, читатель видел], что Мальтус начал свои исследования с намерением защитить нынешний экономический порядок от упреков, делавшихся ему реформаторами. Он сам говорит это. Основываясь на его собственных словах, мы представляем ход дела в таком виде.

Прямым образом защищать обычаи и учреждения, являющиеся невыгодными для человеческого благосостояния, казалось ему невозможным. Как человек сильного логического ума, он понял, что против тогдашних демократических теорий, вроде теории Годвина, не годятся прежние аргументы консерваторов. Он стал искать нового аргумента, более прочного. Он сам говорит и Годвин доказывает, каким путем нашел он этот аргумент. Ему попались на глаза слова знаменитого Франклина, что все живые организмы — растения, животные, — имеют способность размножаться по геометрической прогрессии; что если бы все семена какого-нибудь растения давали всход или все дети какого-нибудь животного избегали бы преждевременной смерти, это растение скоро покрыло бы всю землю и перестало бы размножаться лишь по недостатку места; это животное перестало

бы размножаться лишь по недостатку пищи. Франклин прибавлял также, что и люди имеют способность размножаться по геометрической прогрессии, лишь нашлось бы продовольствие для них. Вместе с этим Мальтус увидел в таблицах доктора Прайса¹⁰², составленных для вычисления сложных процентов, что если данное число возрастает по геометрической прогрессии, то оно увеличивается с быстротою, превосходящею всякое ожидание людей, не вникавших в формулу геометрической прогрессии. Прайс говорил это в доказательство удобоисполнимости своего знаменитого проекта об очень быстром погашении всего английского государственного долга обращением на то самой ничтожной суммы, лишь бы все проценты этой суммы вместе с нею неуклонно шли на выкуп облигаций. Он рассуждал таким образом: положим в банк, дающий по 3%, например, один фунт стерлингов; по правилу сложных процентов выходит, что один фунт удвоится, обратится в два фунта менее чем в 23½ года, если будут нарастать проценты на проценты; но положим для круглого счета, что он будет удваиваться в 25 лет, тогда мы будем иметь, при постоянном удвоении капитала в каждые 25 лет, такой ряд:

через	25	50	75	100	125	150	175	200 лет
	1	2	4	8	16	32	64	128 фунтов

Из этого следует, что если мы отложим хотя 1 000 000 фунтов на выкуп английского государственного долга, говорил Прайс, то очень скоро весь долг будет выкуплен возрастанием этого капитала. Он представлял и таблицы, удостоверявшие в том. Таким образом в его рассуждении о погашении государственного долга Мальтус имел перед глазами первую строку своей знаменитой формулы о размножении числа людей. Кроме того, была у него в руках книга Зюсмильха, прямо говорившая об этом предмете. Зюсмильх, между прочим, просил Эйлера составить таблицы возрастания числа людей при разных пропорциях рождений и смертностей. Эйлер брал разные цифры, и при одних период удвоения выходил очень длинный, при других, разумеется, очень короткий, — от 600 с лишком лет до 7 с небольшим лет. Разумеется, можно было бы вычислить периоды еще более короткие. Иное дело, если спросить, какой процент возрастания допускается самым устройством человеческого организма? Можно ли положить, чтобы в действительности люди, при каких бы то ни было условиях, могли размножаться по ежегодной прогрессии приращения в 10%, или в 8%, или хотя в 5%? Но Зюсмильх не спрашивал об этом Эйлера; он только просил его составить таблицы удвоения по сложным процентам при разных величинах процента, в том роде, как мог бы просить его рассчитать, сколько пищи в день понадобится человеку при различных величинах его роста, от 1 фута до 20 сажень. Эйлер сказал бы, сколько пищи понадобится человеку,

имеющему рост в 10 сажень, имеющему рост в 11 сажень и т. д. Словом сказать, Эйлер решал тут задачу в том роде, какие очень часто попадаются в руководствах к математике или к физике. Например: во сколько времени достигнет до солнца ядро, летящее с быстротою, какую имеет в первую секунду полета; или: что будет с куском железа, постепенно опускаемым в колодезь, прорытый до центра земли? Математик очень правильно отвечает, что ядро долетит до солнца во столько-то времени, кусок железа дойдет до степени красного каления во столько-то верстах ниже поверхности земли, до белого во столько-то, наконец расплавится во столько-то верстах. При этом математику нет никакого дела разбирать, существует ли предполагаемый колодезь, существует ли пушка, брошенное которою ядро могло бы полететь дальше немногих верст. Подразумевается само собою, что математика только группирует цифры, вовсе не ручаясь за их действительность. Но вообразим себе, что прочитал решение таких задач человек, забывший или не знавший, что надобно подразумевать это. Вообразим себе, что ему показалось, будто бы автор алгебраического руководства не просто сгруппировал цифры, а прямо говорит, будто все эти выводы могут осуществляться на самом деле. Какие поразительные теории могут родиться в голове такого человека! Он предложит, например, раскалять железо дляковки не кузнечными печами, а просто опусканием на 20 верст под поверхность земли, или отбить ядром кусок от луны, чтобы этот кусок упал на землю, и тогда мы узнали бы, из чего состоит луна. Вот нечто в этом самом роде случилось с Мальтусом. Увидев цифры эйлеровых таблиц, он прямо так и подумал, что население может удвоиваться в 25, в 20, в 15, в 10 лет и даже еще быстрее, как написано в таблицах Эйлера у Зюсмильха. Если б у него голова не была вся занята мыслью отыскать аргумент против теории Годвина, он, конечно, не сделал бы такой опрометчивой ошибки; но в таблицах Зюсмильха (Эйлера) он увидел нужный ему аргумент, имя Эйлера ручалось за верность вычислений, — чего же больше?

Когда с этой мыслью начал он пересматривать статистические данные, то чего-чего там не увидел! В одном округе население удвоилось в 15 лет, в другом округе оно утроилось или учетверилось в 20 лет, в третьем месте оно возросло в семь раз в какие-нибудь 30 лет, а там какой-то путешественник говорит, что видел еще не старую женщину, — положим, хоть лет шестидесяти, — у которой было в живых десять человек женатых сыновей, и у каждого сына тоже человек по десяти детей, так что от одной пары людей в 60 лет произошло больше 100 человек, — словом сказать, какой бы краткий период удвоения ни брал Мальтус, все находились примеры, показывавшие, что это возможно. Трудно было и остановиться на каком-нибудь сроке

удвоения, если бы не представлялся один очень крупный факт, затмевавший собою все остальные: переписи числа жителей в Северо-Американских Штатах показывали, что население этой страны удваивается в течение 25 лет. Как человек очень умный, Мальтус понял, что этот факт, каждому известный, может служить основанием выводов, гораздо удобнейшим для убеждения читателей, чем всякие другие мелочные, малоизвестные факты, показывавшие период удвоения, еще более краткий. Он хорошо понимал, что впечатление зависит не от одного значения вывода, а также и от подготовленности принять его; что против выводов из малоизвестных фактов стали бы спорить, между тем как все без разбора принимают вывод, делаемый из факта, всем знакомого. Потому он и основал свой вывод на факте, представлявшемся общеизвестными результатами северо-американских народных переписей. Но, приняв период удвоения в 25 лет, он сам помнил и приводил в своей книге данные, свидетельствовавшие, по его мнению, о способности людей к размножению гораздо быстрейшему; потому постоянно говорил и сам действительно думал, что, приняв период в 25 лет, он сделал чрезвычайно большую уступку людям, против которых спорил, и что собственно следовало ему принять период, гораздо более краткий, лет 15, или в 12, или даже, пожалуй, еще меньше.

Опрометчивость, с какою он говорил о способности людей размножаться, чрезвычайно быстро перешла из его книги в головы почти всех экономистов¹⁰³. Ошибки людей сильного ума именно тем и бывают страшны, что овладевают мыслями множества других людей. С каким легкомыслием говорят о возможных периодах удвоения самые, повидимому, основательные экономисты и статистики, мы покажем на одном только примере, которым послужат нам выводы очень почтенного французского ученого Легуа, оказавшего науке важные услуги многими драгоценными исследованиями. Вот буквальная выписка из статьи Легуа о движении населения, помещенной в *Annuaire de l'économie politique* за 1853 год (стр. 15 и 16)¹⁰⁴.

В Соединенных Штатах было произведено восемь * ценсов с 1790 года. Следующая таблица показывает их результаты:

Годы	Население в миллионах **	Приращение в процентах
1790	3,930	—
1800	5,306	35,01
1810	7,240	36,45
1820	9,638	33,12
1830	12,866	33,48
1840	17,069	32,67
1850	23,258	36,25

* То есть не восемь, а семь, как видно из самой таблицы, прямо следующей за этими словами.

** То есть не в миллионах, а в тысячах.

«Итак, население Северо-Американского Союза увеличилось почти в шесть раз в 60 лет.

«В Англии было произведено шесть ценсов по десятилетним срокам, с 1801 года. Следующая таблица показывает их результаты:

Годы	Население в миллио- нах *	Возрастание в процентах
1801	10,568	—
1811	12,047	14
1821	14,180	18
1831	16,365	15
1841	18,658	14
1851	20,936	12

«Из этих цифр следует, что английское население удвоилось в течение полувека.

(Затем следует у Легуа по несколько слов о результатах народных переписей в Пруссии, Австрии и России; он продолжает):

«Следующая таблица показывает пропорции ежегодного возрастания населения перечисленных нами государств:

Государства	Годичное при- ращение	Период удвоения
Соединенные Штагы	8,21	8 лет 9 мес. 12 дней
Англия	1,96	35 лет 8 мес. 15 дней

Просим читателя обратить внимание сначала на цифры, относящиеся к Англии; по ценсу 1801 года население было 10 568 000 человек; по ценсу 1851 года 20 936 000 человек. Сам Легуа справедливо говорит, что в 50 лет английское население удвоилось. Хорошо; смотрим у него же в таблице, каков период удвоения населения в Англии. «35 лет 8 месяцев и 15 дней». Да каким же образом, когда несколькими строками выше оказывалось 50 лет? Дело вышло очень просто. Легуа нашел, что в 50 лет английское население возросло на 98%, разделил эту цифру 98 на 50 и получил 1,96. Ему вообразилось, что 1,96 составляет годичный процент возрастания. Он заглянул в какие-нибудь таблицы сложных процентов, во сколько лет удваивается число, возрастающее по 1,96 процентов в год, — вот и вышло 35 лет 8 месяцев 15 дней, и он даже не заметил, что сам противоречит себе. Сначала он

---

* То есть опять-таки не миллионы, а тысячи.

вычислил процент возрастания, как будто оно шло по арифметической прогрессии, а потом взял этот процент для вывода геометрической прогрессии¹⁰⁵. Прелестно! — Тут мы еще могли сообразить, каким образом произошла ошибка; но мы решительно не в силах объяснить, каким образом вышло у Легуа годовичное приращение населения в Соединенных Штатах 8,21% и период удвоения 8 лет 9 месяцев 12 дней, — этих цифр уже невозможно получить никакими смешиваниями арифметической прогрессии с геометрической. Об Англии он высчитал вздор понятным образом; но для Соединенных Штатов выставил вздор, уже совершенно непонятный. И какими судьбами Легуа забыл, что несколькими строками выше он сам переписал цифры возрастных северо-американского населения по десятилетиям и что не было у него там ни одной цифры выше 36½ процентов; каким же образом годовичное приращение могло быть более 8%, когда десятилетнее приращение менее 37%? Подите, спрашивайте! Вот таким-то образом рассуждают до сих пор о периодах удвоения числа людей.

Еще поразительнее легкомыслие, с которым рассуждают о трудности увеличивать земледельческий продукт. Загляните в любую агрономическую книгу, вы найдете цифры, показывающие, что при введении порядочной плодопеременной системы самые населенные части Западной Европы легко будут давать по крайней мере в девять раз больший земледельческий продукт, чем дают теперь. Загляните опять в любую агрономическую книгу, вы увидите, что самые высокие формы нынешней плодопеременной системы далеко не составляют границы, до которой можно возвысить производительность сельского хозяйства, даже при нынешнем состоянии естественных наук, технологии и механики. Нет нужды, экономисты продолжают твердить вслед за Мальтусом: «если бы люди размножались со всею быстротою, с какою могут размножаться, то земледельческий продукт скоро оказался бы недостаточным, как бы ни старались люди об его увеличении».

Мы спрашиваем: на чем основано мнение, что земледельческому продукту трудно возрастать со всею быстротою, с какою могли бы размножаться люди или даже возрастать еще гораздо быстрее? Разве определены порядочным образом прогрессии, служащие основанием такого вывода? Нет, они остаются до сих пор не определены, и если мы хотим узнать об этом что-нибудь положительное, мы должны заняться изысканиями более точными, чем какие представлены у Мальтуса и повторяющих его экономистов.

Закон возрастания земледельческого продукта

Начнем с прогрессии, по которой идет в теореме Мальтуса возрастание земледельческого продукта. Мы видели из Милля, в чем тут состоит сущность дела.

Предположим, что известный округ занят известным земледельческим населением, которому очень просторно жить в этом округе, — например, положим, что целая квадратная миля (около 5 тысяч десятин) имеет всего сто человек населения. Для продовольствия этой горсти людей достаточно будет обратить под пашню каких-нибудь 200 десятин. Конечно, хлебопашцы выберут для этих необширных нив своих самые лучшие участки земли в целом округе. Предположим теперь, что население удвоилось, а система возделывания земли остается совершенно прежнею. Для удвоившегося населения нужен будет вдвое больший размер пахотных полей; кроме прежних 200 десятин, нужно будет распахивать еще другие 200 десятин. Но ведь самые лучшие участки были уже выбраны под пашню прежде; земля новых 200 десятин пашни уже не так плодородна, как земля прежних, и на новых 200 десятинах родится хлеба меньше, чем на прежних. Так и пойдет дело до самого конца, пока вся удобная для хлебопашества земля будет занята нивами: с каждой прибавкой населения нужно будет обращать под пашню новые десятины, и каждый раз земля этих десятин будет хуже прежних пахотных земель. Из этого мы видим, что если способ возделывания земли остается прежний, то с приращением населения производительность пахотных земель будет становиться в средней пропорции все меньше и меньше оттого, что нивы расширяются на земли всё худшего и худшего качества.

Точно то же будет, если увеличивающееся население станет удовлетворять своим увеличивающимся надобностям в хлебе не посредством расширения нив, а посредством увеличения труда, обращаемого на каждую десятину прежней пашни. Положим, например, что когда на квадратной миле было 100 человек населения и запахивалось 200 десятин, то хлебопашцы успевали пахать землю и боронить ее лишь довольно небрежно или поверхностно. Когда удвоится число населения, то есть и число хлебопашцев, то они могут пахать и боронить прежние 200 десятин вдвое лучше прежнего, то есть употреблять на них вдвое больше труда. Но от этого удвоения труда на десятине десятин не даст вдвое больше хлеба. Из чего же видно, что не даст она? Вот из чего: если бы от удвоения труда на десятине удвоивался продукт ее, то не было бы расчета вместе с этим увеличением труда на прежних землях лучшего качества обращать под распашку новые земли худшего качества. Между тем новые земли распахиваются; это зна-

чит, что обращение прибавочного труда на прежние земли не более выгодно, чем обращение труда на новые земли, худшие прежних.

В какой прогрессии идет это уменьшение производительности земледельческого труда при постепенном обращении под распашку новых худших земель или при увеличении труда на прежних землях? Дело очевидное, что все тут зависит от обстоятельств, совершенно различных по разным местностям. На иной почве первое удвоение труда может дать почти полное удвоение продукта, на другой почве гораздо меньшую прибавку продукта. В одной местности вторые 200 десятин могут давать только по 3 четверти, когда первые дают по 5 четвертей, а на другой местности вторые 200 десятин очень мало уступают в достоинстве первым и дадут лишь немногим меньше 5 четвертей. Впрочем, из всего этого разнообразия условий можно было бы вывести средние цифры, которые имели бы хотя приблизительную достоверность. Но этого до сих пор не сделано. Странно сказать, но оно действительно так: вот уже сколько десятков лет твердят экономисты, вслед за Мальтусом, о прогрессивном уменьшении производительности земледельческого труда, а между тем до сих пор никто из них не позаботился собрать какие-нибудь статистические данные, относящиеся к этой прогрессии, — никто даже и не сообразил, что это было бы нужно; что пока этого не будет сделано, об уменьшении производительности земледельческого труда можно будет рассуждать лишь совершенно наобум, как рассуждал Мальтус, как рассуждают до сих пор.

Но когда мы слышим высказываемое наобум мнение о каком-нибудь совершенно неисследованном вопросе, то очень часто мы имеем возможность судить, не слишком ли утрированы мысли человека, рассуждающего о нем. Мы уже приводили доказательство тому, что мысли Мальтуса о трудности увеличивать земледельческий продукт были утрированы. Он говорил о невозможности удвоить земледельческий продукт Англии в 25 лет, — мы видели, что это пустяки. Зная такое настроение его мыслей, мы имеем полное право заключить, что прогрессия уменьшения производительности земледельческого труда, построенная Мальтусом, должна быть гораздо сильнее действительной.

Но мы, для предотвращения споров, возьмем ту самую прогрессию, какую выставил он. Читателю известны две знаменитые строки цифр, которыми выразил Мальтус свое мнение о невозможности увеличивать земледельческий продукт с быстротою, в какой способны размножаться люди.

Люди имеют способность размножаться по геометрической прогрессии, говорит он, а земледельческий продукт не может возрастать быстрее как по арифметической; таким образом:

Размножение людей	1	2	4	8	16	32	64...
Увеличение продукта	1	2	3	4	5	6	7...

Попробуем разобрать эти цифры; посмотрим, что из них выйдет, если делать из них выводы не по бессчетной фантазии, а по правилам арифметики.

Напрасно было бы возражать на опыт проверки, за который мы беремся, что цифры эти никем не принимаются за верные, потому спорить против них нечего, — ведь мы и не спорим против них; мы говорим, напротив: пусть они будут совершенно верны, посмотрим, то ли выходит из них, что выводил Мальтус.

Говорят: «цифры эти выставлены Мальтусом только для примера; он не придавал им никакой важности», — нет, придавал большую важность; он основывал именно на них вывод, что земледельческие усовершенствования не в силах уравновесить дефицита в продукте, являющегося от ослабления производительности земледельческого труда с возрастанием количества труда. Чтобы утверждать это, ведь нужно иметь понятие о величине дефицита. Эта величина дефицита представляется в теории Мальтуса громадною, непобедимою. Хорошо; мы берем цифры, которыми выражается эта непобедимость, и смотрим, к чему ведут они. Мы видели, что они составлены под влиянием утрированных понятий о трудности увеличивать земледельческий продукт; сами последователи Мальтуса сознаются в их преувеличенности; мы хотим разобрать, какой вывод о непроборимости дефицита следует даже из этих утрированных цифр; а если в действительности прогрессия дефицита не так огромна, как принятая нами со слов Мальтуса, кажущихся преувеличенными самим его последователям, то, значит, борьба с дефицитом земледельческого продукта в действительности легче, нежели как окажется по принятому нами со слов Мальтуса размеру его.

Мы часто мучили читателя цифрами и выкладками, но до сих пор нам еще не представлялось надобности подвергать его этой муке в таком размере, как надобно теперь. Избежать длинных выкладок и арифметических рассуждений мы здесь не можем, потому что на них основан вывод, слишком важный и слишком противоречащий общепринятому мнению. Но мы не можем ни ожидать, ни требовать, чтобы большинство читателей захотело идти с нами по утомительному пути, пройти по которому необходимо нам; на это достанет терпения лишь у немногих, которые не побоятся труда проверить основания дальнейших наших соображений. Потому печатаем следующий математический анализ мальтусовой теоремы мелким шрифтом, чтоб мог пропустить его каждый, кому нет охоты считать, считать и считать. Перевернув эти страницы мелкого шрифта, читатель, скучающий арифметическими выкладками, найдет соображения уже менее утомительные.

Ясно, по какому отношению возникают члены второй строки из членов первой: возрастающие в геометрической прогрессии прибавки к числу работников дают каждая одинаковую при-

бавку к продукту. Например, 1 новый работник, прибавившийся во втором периоде, увеличивает свою работою продукт на 1; 2 работника, прибавившиеся в третьем периоде, увеличивают продукт также только на 1; 4 новые работника четвертого периода и 8 новых работников 5 периода и т. д. увеличивают продукт также на 1.

Очевидно, что производительность труда новых работников, прибавляющихся в каждом новом периоде, уменьшается в той же прогрессии, в какой возрастает количество этих прибавляющихся работников.

В самом деле, пусть работник первого периода будет А, прибылой работник второго периода В, третьего С и т. д. По условию теоремы силы этих работников равны, $A=B=C=D=E$ и т. д.

Производительность земледельческого труда назовем Q.

Продукт обозначится AQ; тогда мы имеем следующее алгебраическое выражение строк, которые Мальтус написал в популярной форме:

$$\text{Население } A; \quad A + B = 2A; \quad A + B + 2C = 4A;$$

$$\text{Продукт } AQ; \quad AQ + BQ = 2A; \quad AQ + BQ + 2C \frac{1}{2} Q = 3AQ;$$

$$A + B + 2C + 4D = 8A; \quad A + B + 2C + 4D + 8E = 16A; \text{ и т. д.}$$

$$AQ + BQ + 2C \frac{1}{2} Q + 4D \frac{1}{4} Q = 4AQ; \quad AQ + BQ + 2C \frac{1}{2} Q + 4D \frac{1}{4} Q + 8E \frac{1}{8} Q = 5AQ; \text{ и т. д.}$$

Мы видим, что коэффициенты Q уменьшаются в той же геометрической прогрессии, в какой возрастают коэффициенты прибылых работников. Иначе говоря, мальтусова теорема предполагает, что процент размножения работников служит процентом уменьшения производительной силы труда прибывающих работников.

Читатель знает, что геометрическая прогрессия есть прогрессия сложных процентов. Попросим же его припомнить, что такое за вещь сложные проценты.

Как вы думаете, по скольку рублей в год обязан платить должник кредитору, если занял 100 рублей по 5%? Вы говорите: он обязан платить ему по 5 рублей в год.

Нет, говорю я, он обязан платить гораздо больше. Я беру 25-летний срок. На капитал 100 рублей, считая по 5% в год, нарастает в 25 лет 238 р. 64 к. процентов; разделим это число на 25, получим 9 р. 55 к. Итак, должник, взявший 100 р. по 5%, обязан ежегодно платить не по 5 руб., как вы говорили, а по 9 р. 55 к. процентов.

Или нет, этого еще слишком мало; он обязан платить гораздо больше. Возьмем 50-летний срок. На 100 р. по 5% в 50 лет нарастает 1046 р. 70 к. процентов. Делим это число на 50, получаем 20 р. 93 к. Итак, должник, взявший 100 р. по 5%, обязан платить по 20 р. 93 к. в год.

Вы останавливаете меня, говорите, что я считаю вздорным, фальшивым образом. Вы правы; я высчитываю сложные проценты по очень продолжительным срокам платежа и обременяю должника нелепыми требованиями. Вы говорите: если должник не будет исправен, если не будет он платить процентов целые 25 лет или целые 50 лет, тогда, разумеется, нарастут на него страшные суммы, которых он, конечно, и не в состоянии будет выплатить. Но если он исправен, то нельзя насчитывать на него платежей по какой-то неслыханно-фальшивой раскладке сложных процентов.

Очень хорошо: только это было нужно для нас. Просим же читателя помнить, что где просрочка ведет к появлению сложных процентов, там не все равно, рассчитывать ли уплаты по каким-нибудь многолетним срокам или по годичным. Возвращаемся теперь к теории Мальтуса.

Мы видели, что прибавочный труд новых земледельцев бывает менее производителен, чем прежний труд первоначального числа земледельцев. Если, например, 20 земледельцев, работая в данном округе, производили 200 четвертей хлеба или, средним числом, каждый из них производил по 10 чтв., то, когда прибавится еще 20 земледельцев, эта прибавка труда произведет в продукте прибавку уже не на 200, а только на 100 четвертей, так что все 40 земледельцев вместе произведут уже только 300 чтв., или, средним числом, каждый земледелец произведет только уже по $7\frac{1}{2}$ четвертей. Если для достаточного снабжения пищею нужно по 10 четвертей в год земледельцу с его семейством, то вот уже явился недостаток продовольствия со своими неизбежными последствиями: болезнями, преступлениями и развратом.

Но мы прочли у Милля, очень верно передающего мысли Мальтуса, что это понижение средней пропорции земледельческого продукта или производительности земледельческого труда относится только к тем обстоятельствам, когда не происходит прямых улучшений в земледельческих процессах или таких улучшений в других отраслях деятельности, которые отражались бы благоприятным образом или на всяком труде вообще, или на земледельческом труде в частности. Улучшения земледельческих процессов и, косвенным образом, всякие улучшения в общественном быту имеют своим результатом некоторое повышение производительности земледельческого труда, в некоторой степени задерживающее упадок этой производительности от размножения людей. Положим, например, что существует в известной стране трехпольное хозяйство с известными посевами и что земля возделывается плугами и боровами известного устройства. Если всё это останется в прежнем виде, а число населения и число хлебопашцев удвоится, то земледельческий продукт не будет достигать величины, вдвое большей прежнего. Но если трехпольное хозяйство заменилось лучшим севооборотом, или при сохранении трех-

польного хозяйства улучшилось качество посева, или введены лучшие способы пахания, или улучшилось устройство орудий, то усиление производительности, приносимое этими улучшениями, может дать при удвоении числа работников продукт не только вдвое больший, но и слишком вдвое больший прежнего.

Вот весь вопрос именно в том и состоит, какой размер улучшений необходим для уравнивания недочета в продукте, происходящего от меньшей производительности труда прибылых работников по сравнению с прежним. Обыкновенно предполагается, что если размножение людей будет происходить со всею возможною быстротою, то для этого уравнивания потребуется размер улучшений слишком громадный.

В самом деле, попробуем вычислить этот размер по 25-летним срокам, по которым считает Мальтус.

Пусть количество населения будет 1 000. Пусть на хорошее продовольствие человека нужно, средним числом, по 4 четверти пшеницы; всего 4 000 четвертей. Пусть взрослые мужчины-хлебопашцы составляют одну десятую часть населения, то есть пусть будет 100 человек хлебопашцев; пусть каждый из них производит, средним числом, по 40 четвертей пшеницы; всего пшеницы будет произведено 4 000 четвертей. Население имеет достаточное продовольствие.

Через 25 лет число населения и работников удвоилось. Производительная сила новых работников уменьшилась в той же пропорции, в какой увеличилось число работников, то есть вдвое. Итак, если первые 100 работников производят по 40 четвертей, всего 4 000 четвертей, то новые 100 работников производят только по 20 четвертей, всего 2 000 четвертей. Все количества хлеба на 2 000 человек населения будет 6 000 четвертей, то есть на каждого жителя будет приходиться вместо прежних 4 четвертей уже только 3 четверти. Продовольствие оказывается недостаточным. Из того возникают болезни, пороки и преступления.

Для предотвращения этого дефицита с его гибельными последствиями нужно было бы произвести в течение 25-летия земледельческие улучшения. Какой же размер их нужен?

Ясно, что земледелие должно улучшиться настолько, чтобы продукт 6 000 четвертей поднялся до 8 000 четвертей. Если прежнюю высоту земледелия мы обозначим P , то требуемая высота будет

$$6\,000 : 8\,000 = P : X.$$

Из этого мы получаем $X = \frac{4}{3} P$.

Мы видим, что земледелие должно улучшиться в течение 25 лет на целую треть, настолько, что если бы оставалось только прежнее число 100 работников, то каждый из этих работников производил бы не 40, а $53 \frac{1}{3}$ четверти.

Такой размер улучшений в 25 лет действительно очень велик, и очень может быть, что он неудобноисполним на практике.

Особенно поразительна окажется громадность требуемого размера улучшений, если мы не остановимся на одном периоде, а возьмем целый ряд периодов. В каждом периоде повторится то же самое отношение, и мы получим следующую строку требуемого хода земледельческих улучшений.

Периоды. . Или, при- мерно, годы . .	1	2	3	4	5 и т. д.
Высота зем- леделия .	1860	1885	1910	1935	1960 » » »
	1,00 $(\frac{1}{3})^1=1,33$	$(\frac{1}{3})^2=1,77$	$(\frac{1}{3})^3=2,37$	$(\frac{1}{3})^4=3,16$	» » »

Нет никакого сомнения, что если наша цивилизация вместе с нами не будет истреблена какою-нибудь геологической катастрофою или нашествием каких-нибудь диких орд из глубины Азии, то в 1960 году земледелие будет находиться в положении, лучшем нынешнего. Но дойдет ли оно к тому времени до такого совершенства, чтобы одинаковое число работников на одинаковом числе десятин могли производить хлеба слишком в три раза больше нынешнего?

Судя по ходу истории, это невероятно. Конечно, в Англии ферма, имеющая 200 экров, производит даже не в три раза, а в пять или шесть раз больше хлеба теперь, чем производила назад тому 100 лет; но ведь эти 200 экров возделываются трудом гораздо большего числа работников, чем возделывались тогда. Наша формула требует не того. Она требует вот чего: если 4 работника, возделывая 200 экров, производили в 1760 г. 100 кварталов пшеницы, то дает ли нынешняя земледельческая техника возможность, чтобы также 4 работника, возделывая также 200 экров, произвели на них 316 кварталов пшеницы? Только на таком условии сохранится прежняя высота производительности труда каждого работника при увеличении числа работников на этих 200 экрах в 8 раз; только при таком условии 32 работника произведут на 200 экрах 800 кварталов пшеницы, то есть по 25 кварталов на работника, как это нужно для сохранения прежней достаточности продовольствия по увеличившемуся числу жителей.

Ни в прошедшие 100 лет, ни в какое бы то ни было из предшествовавших столетий земледельческая техника не совершенствовалась с такой быстротою; потому должно полагать, что едва ли и возможно будет ей совершенствоваться так и в следующие времена.

Вот основание, по которому Мальтус и его ученики не считают удобоисполнимым, чтобы земледельческие усовершенствования могли уравнивать происходящий от размножения людей дефицит в производительности земледельческого труда, если бы люди размножались с полною быстротою; потому-то мальтуса теория и говорит, что если размножение не будет задержи-

ваемо волею самого человека, например, воздержностью от физической любви, оно непременно будет задерживаться, как задерживалось до сих пор почти всегда, почти повсюду, — болезнями, пороками и преступлениями, порождаемыми нищетою, которая происходит от дефицита в земледельческом продукте.

Довольно. Кажется, мы изложили ход вывода из мальтусовых прогрессий с такою точностью, с какою никогда не излагал его ни сам Мальтус, никто из его последователей. Теперь мы можем сказать в глаза каждому из них, что гораздо точнее и яснее, нежели он, знаем то, что знает он.

Но, читатель, не знаем ли мы еще одной вещи, или знакомой, или непонятной для Мальтуса и его учеников? Припомните, что мы знаем о расчете сложных процентов. Ведь, кажется, мы рассудили, что выйдет чепуха, если мы станем считать 25-летними сроками проценты, которые надобно считать год за год, не пропуская ни одного года.

Сообразим сущность дела. Разве вдруг в каком-нибудь одном году удваивается население? Нет, оно понемножку растет каждый год. Что же, — значит, не вдруг потребуются и удвоение продукта? Кажется, так. В нынешнем году собирается хлеб, возделанный числом работников не удвоившимся, а лишь немного увеличившимся сравнительно с прошлым годом; собирается на годичное продовольствие числа жителей не удвоившегося, а лишь немного возросшего сравнительно с прошлым годом. Посмотрим же, что выйдет, если мы не станем перепрыгивать с 1-го года прямо на 26-й, чрез целые 25 лет, если мы не будем предъявлять земледелию требований, возросших по сложным процентам в 25 лет, как делал Мальтус, а поведем счет правильно, год за годом. Ведь мы нашли прежде, что при капитале в 100 рублей требование уплаты процентов по 20 с лишком рублей и по 9 с лишком рублей в год — было фальшивою шуткою; что довольно было платить по 5 рублей. Не окажется ли то же самое и с требованием невозможного размера земледельческих улучшений, если мы станем считать как следует? Не окажется ли размер улучшений, нужных для уравновешения земледельческого дефицита, гораздо меньше фальшивого прежнего требования, не окажется ли он совершенно удобоисполнимым, даже при полной быстроте размножения людей?

Мальтус твердит о 25-летних периодах удвоения. Мы сначала и подведем счет по проценту размножения, соответствующему таким периодам. Нашедши формулу, мы легко вычислим размер улучшений для всяких других периодов размножения и более кратких, чем 25 лет, и более продолжительных.

Положим, что число населения 1 января 1-го года было 1 000 и что работники-хлебопашцы этого населения произвели известное количество хлеба, достаточное для хорошего продовольствия всех

1 000 человек, то есть 1 000 годовых порций, которые назовем хотя, например, возами. Итак, на хорошее продовольствие в год надобно, по нашему условию, воз хлеба на каждого человека. Положим, что число хлебопашцев-работников в этом населении было 100 человек. По условию видно, что для хорошего продовольствия населения нужна такая успешность хлебопашенного труда, чтобы каждый работник производил по 10 возов хлеба.

Положим, что при таком избытке продовольствия население возрастает ежегодно на 3% (пропорция несколько выше той, какая дает удвоение населения в 25 лет и принимается Мальтусом). Тогда к 1 января 2-го года население будет 1 030 человек, и если пропорция хлебопашцев-работников остается прежняя, их будет 103 человека. Если для 1 000 человек нужно было 1 000 возов хлеба, для 1 030 человек будет нужно 1 030 возов.

Если бы успешность труда прибылых работников не была меньше, чем прежних, труд прибылых 3 работников произвел бы 30 возов хлеба, количество, нужное для достаточного продовольствия 30 прибылых человек населения, и во 2-й год было бы для 1 030 человек 1 030 возов хлеба. Но по мальтусовой теореме производительность труда прибылых работников будет меньше, чем производительность труда прежних; Мальтус полагает, что процент ослабления производительности нового труда равен проценту возрастания его количества, или, при неизменности пропорции между числом хлебопашцев и числом населения, равен проценту возрастания населения. Итак, производительность нового труда относится к производительности прежнего, как 100 к 103. По этой пропорции, какое количество хлеба произведет прибылой работник, если прежний производил 10 возов?

$$X : 10 = 100 : 103.$$

Из этого получаем $X = 9,7087\dots$

Итак, 3 прибылые хлебопашца произведут только $3 \times 9,7087 = 29,1261$ возов вместо 30 возов, которые были бы нужны по прежнему размеру, и на второй год для 1 030 человек будет вместо 1 030 возов хлеба только 1 029,1261 возов.

Чтобы вместо 1 029,1261 возов жатва 2 года дала 1 030 возов, производительность труда прежних работников должна в этом году поднять на столько выше прежней своей величины 10, на сколько требуемый сбор, 1 030, выше сбора 1 029,1261, получаемого без усовершенствований.

$$X : 10 = 1 030 : 1 029,1261.$$

Из этого мы получаем $X = 10,00849\dots$

В самом деле, тогда мы будем иметь:

100 прежних работников произведут по 10,00849 возов, 1 000,849 возов.

3 новых работника, труд которых менее производителен по прежней пропорции $100 : 103$, произведут каждый по

$$10,00849 \times 100 : 103 = 9,717 \text{ возов,}$$

$$\text{а все трое вместе} \quad \dots \quad 3 \times 9,717 = 29,151 \quad \text{»}$$

$$\text{Сумма производства 2 года будет } 1000,849 + 29,151 = 1030 \text{ возов}^{106}.$$

Итак, велик ли нужен размер усовершенствования или в устройстве орудий, или в способе пользования ими, или в качестве удобрения, или в способе пользования им, или в качестве посева, велик ли нужен размер усовершенствования, чтобы недочета не оказалось, чтобы пропорция продовольствия не уменьшалась при возрастании населения?

При ежегодном возрастании населения по 3%, то есть при возрастании быстрее, нежели принимает Мальтус*, нужен годичный размер усовершенствования = 0,000849, то есть менее, чем на одиннадцатую часть процента. Что же это такое, 849 десяти тысячных частей процента? Огромно ли это возрастание? Оно вот каково: в пуде оно составляет несколько больше $3\frac{1}{4}$ золотников (3,2602 золотника); в возу хлеба, имеющем 25 пудов, оно составляет $81\frac{1}{2}$ золотников....

Что ж это за страшная прибавка? стоит ли пугаться ее? Неужели усовершенствования в земледелии не могут идти так быстро (быстро!), чтобы в течение целой четверти века не улучшить земледельческих способов на $2\frac{1}{7}\%$?** Увеличение на $2\frac{1}{7}\%$ процента в целые 25 лет — да ведь это почти совершенная неподвижность!

Да, почти совершенная неподвижность. Без всякого сомнения, с самого конца средних веков не было в европейской истории ни одного такого двадцатипятилетия, в котором земледелие не совершенствовалось бы по пропорции, более быстрой. Много в этой истории было эпох почти совершенного застоя общественных улучшений, но самые безотрадные, самые гнусные из этих периодов все-таки двигали земледелие вперед быстрее, чем требовалось бы для уравнивания дефицита в земледельческом продукте, для сохранения земледельческому труду всей прежней производительности, при проценте размножения людей, по которому число их удваивалось бы каждые 25 лет.

Но если действительно так, если принимаемая Мальтусом быстрота беспрепятственного размножения людей не была бы сама по себе достаточною причиною появления дефицита в продовольствии, то есть появления нищеты с ее последствиями, то

---

* При ежегодном возрастании в 3% через 25 лет 10 000 человек населения возрастают до 20 938 человек; для того, чтобы число населения удваивалось в 25 лет, нужно принять ежегодную величину возрастания только 2,81138...%.

** 1000,849... в 25-й степени дает 1 021,443...

чем же объяснить упорное существование нищеты, продолжающей пожирать людей, несмотря на земледельческие улучшения? О, ответ на это — длинная история; некоторых эпизодов этой истории мы касались в предыдущих наших дополнениях к Миллю; о других будет речь впереди.

Чтобы еще яснее увидеть громадную разницу между фальшиво-требуемым размером земледельческих усовершенствований по неправильному счету, перескакивающему через долгие периоды лет, и между действительно нужным размером улучшений, оказывающимся по правильному счету, мы опять должны взять не один период, а ряд периодов удвоения.

Г о д ы

	1860	1885	1910	1935	1960
Высота земледелия, требуемая:					
по фальшивому счету . . .	1,00	1,3333	1,7777	2,3702	3,1602
по правильному счету . . .	1,00	1,0214	1,0434	1,0657	1,0886

Мы видим, что для первого двадцатипятилетия от фальшивости счета размер требований ставится выше надлежащего в 15 раз, для второго — в 17 раз, для третьего — в 20 раз, для четвертого — в 24 раза ¹⁰⁷.

Кто не согласится, что улучшение менее чем на 9 процентов, требуемое для целого столетия, довольно незначительно по сравнению с действительными улучшениями, которые произошли в земледелии каждой европейской страны с 1760 г. до нашего времени, и что было бы совершенно нелепостью полагать, будто бы земледелие не улучшится в гораздо большей степени, чем на 9 процентов, в следующее столетие.

Мнение о громадном размере улучшений, какой требовался бы для удержания прежней производительности земледельческого труда при быстром размножении людей — грубейшая ошибка, которую можно объяснить только крайнею невнимательностью к понятию о разнице между сложными процентами и простыми процентами. Мы видели, что требуемый размер земледельческих улучшений незначителен при проценте размножения людей, по которому число их более, чем удваивалось бы в каждые 25 лет. Дело, доказанное теперь, что при двадцатипятилетнем периоде удвоения числа людей земледельческому продукту очень легко возрасть столь же быстро, как размножаются люди.

Но Мальтус и его последователи только с особенной настойчивостью твердят о двадцатипятилетнем периоде удвоения, а сами не знают, какой период принять, и беспрестанно уверяют нас, будто люди могли бы размножаться еще быстрее, выставляют периоды удвоения, еще более короткие. Мы, напротив, надеемся доказать, что двадцатипятилетний период удвоения возможен только при порабощении массы народа, при искусственном, принужденном настроении обычаев, при несчастном положении жен-

щин, и что с каждым шагом человека от рабства к свободе период удвоения, без всякого стеснения органических потребностей человека, должен становиться длиннее; поэтому нам надобно найти общую формулу, по которой определялся бы потребный размер улучшения для всяких периодов удвоения.

Быстроту, с какою размножается население, мы назовем процентом размножения.

При 25-летнем периоде удвоения процент размножения = 2,81138... Если нация, размножающаяся по этому проценту, имела 1 января данного года 10 000 000 человек, то 1 января следующего года в ней будет считаться 10 281 138 человек.

Первоначальное число жителей, с которого начинается счет размножения, мы назовем А. В примере, нами выбранном, $A = 10\,000\,000$.

Число людей, которым увеличится это население в течение года, мы назовем N. В нашем примере $N = 281\,138$ человек.

Производительность земледельческого труда при первоначальном числе жителей, то есть при первоначальном числе хлебопашцев, мы назовем Р. Если мы положим, что число хлебопашцев в первый год равнялось одной десятой части населения, то есть 1 000 000, а хлеба было произведено в этом году 40 000 000 четвертей, то $P = 40$.

Процент размножения равняется числу населения 1 января второго года, деленному на число населения 1 января первого года. Для нас удобнее не обозначать его особенною буквою, а прямо употреблять сочетание знаков, ему соответствующее:

$$\frac{A + N}{A}.$$

Кажется, не нужно объяснять, что $A + N$ означает население 1 января второго года, то есть в нашем примере 10 281 138.

Читатель помнит, что по мальтусовой теореме производительность земледельческого труда прибылых работников уменьшается по тому же проценту, по которому размножается население. Таким образом если производительность первоначальных работников, прибывающих в первый год = Р, то производитель-

ность труда прибылых работников = $P: \frac{A + N}{A}$ или $\frac{AP}{A + N}$;

в нашем примере это будет:

$$\frac{40 \times 10\,000\,000}{10\,281\,138}.$$

Мы принимаем, что пропорция хлебопашцев в числе населения остается неизменною, как следует по условиям мальтусовой гипотезы.

Приступая теперь к самым выкладкам, мы вперед просим

читателя, более нас занимавшегося математикою, извинить неловкость наших приемов. Человек, знающий алгебру, конечно, употребил бы приемы более изящные; но простота вопроса, за который мы беремся, такова, что даже и мы, знающие только арифметику и употребление логарифмических таблиц¹⁰⁸, могли дойти до надлежащих выводов.

Земледельческий продукт первого года был AP .

На второй год, соответственно размножившемуся населению $= A + N$, был бы нужен продукт $AP + NP$.

Но если не произведено никаких улучшений, он будет равен только $AP + \frac{ANP}{A + N}$.

Вычитая этот получаемый без улучшений продукт второго года из продукта, который был бы нужен, мы определим величину дефицита, который должен быть покрыт земледельческим усовершенствованием:

$$(AP + NP) - \left(AP + \frac{ANP}{A + N} \right) = X.$$

Из этого мы получаем $X = \frac{N^2P}{A + N}$.

Таким образом, влиянием улучшения продукт второго года должен увеличиться на количество $\frac{N^2P}{A + N}$. Спрашивается теперь, какой размер должно иметь улучшение, чтобы дать такое увеличение в продукте?

Ясно, что этим улучшением должна несколько возвыситься первоначальная производительность труда P первоначальных работников A , иначе говоря, в уравнении продукта второго года вместо величины P должна быть поставлена величина P' , несколько большая, чем P .

Очевидно также, в какой пропорции должна возрасти она, чтобы продукт второго года достиг требуемой величины $AP + NP$. Ясно, что P' должна быть на столько больше P , на сколько требуемый продукт $AP + NP$ больше получаемого без

улучшения продукта $AP + \frac{ANP}{A + N}$. Но мы уже знаем

что этот получаемый без улучшений продукт меньше требуемого продукта на величину $\frac{N^2P}{A + N}$.

Итак, мы имеем:

$$(AP + NP) : \left(AP + NP - \frac{N^2P}{A + N} \right) = P' : P.$$

Из этого мы получаем:

$$P' = \frac{(A + N)^2 P}{(A + N)^2 - N^2}.$$

Или, принимая $P=1$,

$$P' = \frac{(A + N)^2}{(A + N)^2 - N^2}.$$

То есть: требуемое возвышение земледелия посредством усовершенствований относится к первоначальному состоянию земледелия, как число населения второго года, возведенное во вторую степень, относится к тому же числу во второй степени, за вычетом числа прибылых в год людей во второй степени.

Число людей, прибывших естественным размножением в течение первого года, всегда бывает незначительно сравнительно с целым населением второго года; в квадрате оно станет еще гораздо меньше квадрата этого полного числа населения; потому и возвышение производительности земледелия требуется незначительное. Мы увидим, например, что процент размножения 5 на 100 превышает возможность размножения по самому устройству человеческого организма. Но если взять даже этот невозможный процент (дающий период удвоения в 12,2 лет), все-таки мы получим:

$$\frac{(105)^2}{(105)^2 - 5^2} = \frac{11025}{11000} = 1,00227.$$

По найденной нами формуле

$$P' = \frac{(A + N)^2}{(A + N)^2 - N^2}$$

легко вычислить требуемый размер улучшений для каких угодно процентов размножения и периодов удвоения. Но цифры годовых улучшений вообще выходят очень незначительные, — можно сказать, незначительные до неосвязаемости. Потому в следующей таблице мы вычислим также вековое возвышение земледелия, проистекающее из годовых улучшений находимого нами размера.

Число лет в периоде удвоения	Процент размножения	Годичный размер улучшения	Высота, до которой земледелие должно быть поднято в течение века, принимая первоначальную высоту = 1,00000
12	5,94631	0,00314,9991	1,36958
15	4,72941	0,00203,9064	1,22126
20	3,52649	0,00116,0186	1,12194
25	2,81138	0,00074,7680	1,07760
30	2,33739	0,00052,1706	1,05343
35	2,00016	0,00038,4143	1,03877
40	1,74797	0,00029,5239	1,02996
50	1,39595	0,00018,9554	1,01913
75	0,92848	0,00008,4714	1,00893
100	1,69555	0,00004,7668	1,00478

Если мы не ошибаемся, мы рассматриваем мальтусову теорию с точки зрения, которая должна казаться новою для читателя; и чтобы он не затруднился следовать за ходом наших мыслей, нам необходимо по несколько раз возвращаться к объяснению наших терминов и выводов. Теперь, например, мы говорим о том элементе вопроса, который назван у нас размером земледельческих улучшений, требующимся для уравнивания убыли в продукте, происходящей от уменьшения производительности труда прибылых земледельцев, сравнительно с производительностью труда прежних. Мы искали, в какой пропорции должна подниматься этими улучшениями «первоначальная производительность труда» или производительность труда первоначальных работников. Под первоначальною производительностью мы понимаем количество продукта, какое было производимо трудом одного хлебопашца в начале периода, с которого мы ведем счет влиянию размножения людей на земледельческий продукт. Процент, на какой должна возрасти эта производительность, показывает количество, до которого доходил бы продукт одного земледельца, если бы число земледельцев не увеличивалось; например, мы нашли, что при периодах удвоения людей по 12-летним срокам производительность должна подняться в течение века почти на 37%. Эти слова имеют такой смысл:

При быстроте размножения людей, принятой нами, в земледельческой технике или в удобрении почвы, или в способах ограждения посева от дурной погоды, или вообще в каком бы то ни было из элементов, имеющих влияние на количество жатвы, должны произойти в течение целого века такие улучшения, чтобы один земледелец, возделывая данное число десятин, в конце столетия мог собрать хлеба с этих десятин на 37% больше, чем собирал с них в начале столетия. Например: если в 1860 г. земледелец, обрабатывающий четыре десятины, собирает с них 10 четвертей хлеба, то в течение следующего века надобно произвести улучшения, которые давали бы возможность в 1960 г. также одному земледельцу собрать с этих 4 десятин около 13³/₄ четвертей хлеба. При такой пропорции улучшения люди до 1960 г. не будут чувствовать недостатка в продовольствии, размножаясь с быстротою, удваивающею число их в каждые 12 лет. Конечно, при такой быстроте размножения постепенно будет являться на 4 десятинах вместо одного хлебопашца 2 работника, потом 3, 4 и т. д., 10, 11, 12 работников и т. д.; прибавка каждого нового работника на этих 4 десятинах будет увеличивать продукт их в пропорции несколько меньшей того, на сколько увеличилось количество труда от прибавки этого работника к прежним. Но все-таки при таком ходе земледельческих улучшений, который равняется 37% за целое столетие, постоянно будет собираться с этих 4 десятин количество продукта, дающее в общей слож-

ности попрежнему 10 четвертей на каждого из обрабатывающих эти 4 десятины землепашцев.

Мы нашли, что даже при 12-летних периодах удвоения людей достаточен для отвращения недочета в сельскохозяйственном продукте ход сельскохозяйственных улучшений, не столь быстрый, как был действительный ход их в последние три или четыре столетия. А при периодах удвоения более продолжительных достаточен ход улучшений еще гораздо менее быстрый.

IV

О размножении людей

Мы нашли, что при периоде удвоения не только в 25, но даже и в 12 лет, для уравнивания недочета в сельскохозяйственном продукте требуется вовсе не громадный размер сельскохозяйственных усовершенствований. Если бы дело шло только о том, чтобы опровергнуть выводы Мальтуса, можно было бы нам остановиться на этом. Мы уже имеем полное право сказать: принимайте какую хотите быстроту размножения, сельскохозяйственный продукт успеет возрасти с такою же быстротою, если только захотят позаботиться о том сами люди. Но цель наша не ограничивается выставлением неудовлетворительности мальтусовой теории, — мы желали бы не только показать, что Мальтус не дошел до истины, мы желали бы сами дойти до нее, притом желали бы мы дойти не до одной отвлеченной истины, а также и до того, чтобы хотя приблизительно образом определить, как велики и какого именно рода нужны были бы усилия людей в передовых странах, чтобы приобрести благосостояние, достижимость которого показывает формула отвлеченной истины. Для этого нам нужно доискаться более точных понятий о силе размножения, не стесняемого никакими внешними препятствиями, потому что размером этой силы определяется величина сельскохозяйственных усовершенствований, нужных для уравнивания продукта с населением.

25-летний период удвоения взят Мальтусом из народных переписей в Соединенных Штатах¹⁰⁹. Подобные переписи новых колоний показывают удвоение жителей по периодам еще более кратким. Но в новых колониях число жителей возрастает гораздо больше от прилива переселенцев, чем от естественного размножения; да и в Соединенных Штатах переселение постоянно имело очень значительную долю в увеличении числа народа. Мальтус при составлении своей теории совершенно забыл об этом обстоятельстве и приписал все увеличение жителей в Соединенных Штатах одному естественному размножению. Такая крайность вызвала другую крайность. Подвергнув очень подробно разбор цифры северо-американского населения,

взятые Мальтусом без всякого разбора за следствие одного естественного размножения, Годвин вывел из них заключение, что решительно вся прибыль населения в Соединенных Штатах происходила от прибыли новых людей из других стран и что если следует делать какой-нибудь вывод о способности людей к размножению на основании северо-американских переписей, то следует сделать вывод, что способность эта чрезвычайно слаба, почти совершенно незаметна. Но последователи Мальтуса доказывают, что если Мальтус сделал ошибку, совершенно забыв о влиянии переселения, то все-таки это влияние было не велико по сравнению с влиянием естественного размножения, и что за вычетом всех жителей, прибавившихся от переселения, остается такое увеличение числа жителей в Соединенных Штатах естественным размножением, которое дает величину периода удвоения в 29 лет. Эту цифру доказывают они также длинными расчетами:

С изумлением спрашиваешь себя, каким же образом могли приходиться к столь различным численным выводам люди, основывавшие вывод на одних и тех же переписях? Но дело объясняется очень просто, если заглянуть в самые отчеты северо-американского правительства о результатах переписей. Эти отчеты свидетельствуют, что до 1820 года не велось списков переселенцев, прибывавшим в Соединенные Штаты, — стало быть, об участии переселенцев в увеличении числа жителей до 1820 г. ничего достоверного и сказать нельзя; тут все зависит от вашего желания построить такие или другие соображения. Если вы хотите увеличить процент естественного размножения, стройте такие соображения, чтобы уменьшалось число переселенцев; если вы хотите уменьшить процент размножения, поступайте наоборот; чего захотите вы, то и выйдет у вас. Но с 1820 г. ведутся списки переселенцев; стало быть, есть уже положительное основание для оценки участия переселенцев в увеличении числа жителей за следующие годы? Оно отчасти так, но все-таки получить вывод, сколько-нибудь достоверный, дело очень трудное. Начать с того, что списки переселенцев очень неполны. Они ведутся только по восточной границе, только в пристанях атлантического побережья; конечно, главное переселение идет через эту линию; но также есть переселение с юга через мексиканскую границу, есть переселение и с севера через канадскую границу. Ни там, ни здесь переселенцев до сих пор никто не считал. Во-вторых, и на западной границе списки переселенцев ведутся неполно, по словам самого правительства Соединенных Штатов. Извольте же теперь высчитать число переселенцев хотя с 1820 г., когда из трех границ только на одной ведутся списки, да и то неполные. Остается очень большой простор произволу в определении числа переселившихся. Не думайте, что затрудне-

ние ограничивается этим. Есть другое обстоятельство, еще более запутывающее вопрос.

Большая или меньшая способность известной группы людей к размножению зависит от того, какую пропорцию в этой группе составляют женщины, способные по своим летам становиться матерями. Если мы возьмем 1 000 человек населения, в котором находится 250 женщин 15—40 лет, эта группа, конечно, имеет способность размножаться гораздо быстрее такого населения, в котором на 1 000 человек считается только 200 женщин 15—40 лет. Разумеется, при неизвестности общего числа переселенцев еще менее может быть известна точная пропорция женщин от 15 до 40 лет между ними; но по некоторым данным, собранным за один год, оказывается, что на 10 000 переселенцев, прибывавших в Соединенные Штаты через море, приходилось 2 782 женщины от 15 до 40 лет. В целом население Соединенных Штатов на 10 000 человек считалось в 1850 г. только 1 989 женщин таких лет; это значит, что 10 переселенцев равнялись по своей способности к размножению 14 человекам общего населения Соединенных Штатов¹⁰. Всегда ли бывала такая пропорция, неизвестно; а если не всегда она была такова, вычисления об участии переселенцев в размножении не имели бы верного основания, хотя бы и было известно точное число всех переселенцев, которое неизвестно. Но опять-таки недостаточно было бы знать только общее число женщин от 15 до 40 лет. Если считать средний период рождения детей у женщины от 16 до 40 лет (как считают северо-американцы), то очевидно, что 100 женщин, имеющих по 16 лет, будут способствовать размножению столько же, как 150 женщин, имеющих по 24 года, или 200 женщин, имеющих по 28 лет, или 400 женщин, имеющих по 34 года, или 800 женщин, имеющих по 37 лет, предполагая, что способность делаться матерью остается в женщине до конца периода в полной своей силе*. Теперь, что же мы читаем в отчетах северо-американских ценсов? Мы читаем, что между переселенцами число женщин от 35 до 40 лет составляет сравнительно с женщинами от 20 до 25 лет гораздо меньшую пропорцию, чем какова пропорция между женщинами этих возрастов в общем населении Соединенных Штатов. Или, вообще говоря, молодых женщин сравнительно с женщинами средних лет между переселенцами гораздо больше в 1 000 женщин от 15 до 40 лет, нежели в 1 000 женщин 15—40 лет общего населения Соединенных Штатов. Это значит, что мы приняли слишком малую пропор-

---

* При этом предположении основание счета ясно: оно дается числом лет, остающихся до конца периода способности делаться матерью. Женщине в 16 лет остается до этого срока 24 года, а женщине в 37 лет только 3 года, то есть в 8 раз меньше; иначе сказать, 100 женщин по 16 лет будут иметь в 8 раз больше детей, чем сколько родится у 100 женщин по достижении 37 лет.

цию перевеса, когда положили, что 10 переселенцев по своей способности к размножению равняются 14 человекам общего населения. Мы тут полагали, что группа 1 000 женщин 15—40 лет между переселенцами не превышает своею способностью к размножению такого же числа женщин в общем населении, а на самом деле она равняется этою способностью гораздо большему числу женщин общего населения. Какую именно пропорцию следует принять хотя по тем недостаточным данным, какие мы имеем, этого никто не потрудился вычислить. Мало всего этого: на каком основании мы предположили, что способность к размножению прямо пропорциональна числу лет, остающемуся до конца периода деторождения? Из 100 женщин, имеющих по 25 лет, всегда и везде находится в состоянии беременности большее число, чем из 100 женщин, имеющих по 35 лет. Стало быть, перевес молодых женщин над женщинами средних лет по способности к размножению должен быть значительнее, чем оказывалось бы по простой пропорции числа лет, остающихся до конца периода деторождения. Но кто определял эти отношения? Статистика еще не думала о том.

Читатель видит, какие длинные вычисления понадобились бы, чтобы определить участие переселенцев в увеличении числа жителей Соединенных Штатов. Мало того, чтобы сосчитать число переселенцев, надобно было бы сосчитать, сколько было между ними женщин каждого возраста, определить способность размножения для каждого возраста женщины — без этого нельзя сказать ничего верного; а этого ничего не сделано, да и самое число переселенцев неизвестно в точности. Достоверно только одно: писатели, находившие, что, за вычетом участия переселенцев, население Соединенных Штатов путем естественного размножения прежних жителей удваивается в 29 лет, делают вывод слишком опрометчиво, и период удвоения получается у них короче действительного, потому что они оставляют без внимания главные пропорции перевеса переселенцев над остальным населением по способности размножения, не говоря уже о том, что и самое число переселенцев принимают они меньше действительного в периоде после 1820 г., и совершенно произвольно до 1820 г.

С каким пренебрежением самых очевидных правил счета поступают обыкновенно эти писатели, может показать один пример. Известно, что население Соединенных Штатов состоит, кроме белых, из негров. Переселенцы, об участии которых в увеличении числа жителей говорили мы до сих пор, — все люди белой породы. Если мы хотим определять, какой процент естественного размножения останется за вычетом участия этих переселенцев, конечно, мы должны считать только белое население Соединенных Штатов. Но об этом подразделении почти никто не думает: обыкновенно берут общую цифру населения, белого и

черного вместе. От этого влияние переселенцев оказывается меньше, чем оказалось бы при сравнении цифры их с одним белым населением. У негров были свои особенные переселенцы, привозившиеся из Африки и до сих пор привозимые в огромном числе.

Что же следует из всего этого длинного рассуждения? Следует то, что теперь мы не в силах определить, хотя приблизительно образом, какое участие имели переселенцы в увеличении числа жителей Соединенных Штатов и какая часть увеличения должна за этим вычетом приписываться естественному размножению прежнего населения. По характеру опрометчивых ошибок, делаемых обыкновенно в этом вопросе, видно только одно: участие переселенцев было значительнее, а доля естественного размножения была меньше, чем обыкновенно принимают. Период удвоения, представляемый Соединенными Штатами, должен быть больше не только 25 лет, принимавшихся Мальтусом (от этой цифры отступились уже и его последователи), — но и 29 лет; а каков он на самом деле, определить этого нельзя по неудовлетворительности статистических данных.

Но, скажут нам, каков бы ни был период удвоения в Соединенных Штатах, он не должен считаться периодом быстрейшего возможного удвоения. В Соединенных Штатах меньше, чем в старых странах, но все-таки много людей умирает преждевременно от бедности и ее результатов; меньше чем в старых странах, но все-таки много остается женщин, не рождающих детей вследствие нужды с ее последствиями. При полном благосостоянии общества, при отсутствии всяких задержек размножения число рождающихся было бы больше, число умирающих меньше, процент размножения больше и период удвоения короче, чем в Соединенных Штатах. Это без всякого сомнения; и нам хотелось бы найти именно то, каков был бы наибо́льшей скорости возможный, по самому устройству организма, процент размножения и кратчайший период удвоения.

Очень может быть, что и по нынешним статистическим данным хорошие математики сумели бы определить приблизительную величину этого периода с несомненною верностью, если бы занялись этим предметом. Было бы слишком длинно излагать здесь способы, которыми, как нам кажется, могли бы они разрешить эту задачу. Главное дело тут, как увидит читатель из следующих разъяснений дела, состояло бы в том, чтобы найти, какая наименьшая смертность, по самым органическим условиям, существовала бы в обществе, избавленном от всякой нужды и всех ее последствий. Мне кажется, что определить это можно; но требуемые для того вычисления превышают слишком низкую границу личных моих математических знаний. Определить процент быстрейшего возможного размножения и кратчайший период удвоения с такою несомненностью, как было бы надобно, я не умею; но в следующих соображениях читатель найдет по

крайней мере показание предела, до которого не может дойти быстрота размножения, найдет также цифры разных более или менее вероятных границ быстрейшего размножения и получит возможность судить, какие из них наиболее вероятны. Знать, что возможно и что невозможно, сознательно судить о том, что из возможного наиболее вероятно — это все-таки лучше, чем толковать вздор совершенно наобум, как обыкновенно делают. Процент размножения составляется разностью между числом рождающихся и числом умирающих. Посмотрим же, во-первых, до какой цифры не могло бы никак возвыситься по самому устройству человеческого организма число рождающихся. В этом случае, как и во всех следующих соображениях, мы будем говорить только о белом населении Европы и Северной Америки, потому что статистические сведения об остальных странах еще слишком недостоверны.

Период плодородия у женщин кавказского племени в Европе и Северной Америке простирается приблизительно от 15 до 45 лет. Число женщин этих лет в населении, возрастающем не очень быстро или вовсе не возрастающем, составляет одну пятую часть всего населения. Период беременности продолжается девять месяцев; после того кормление грудью занимает около года, и здоровье младенцев требует в большей части случаев, по мнению матерей, кормления больше, чем в течение года. Таким образом самое устройство организма полагает между рождением детей у женщины средний период около 2 лет. Действительно, мы видим, что в супружеских четах, нисколько не думающих о воздержности в рождении детей, одно рождение от другого обыкновенно отделяется сроком года в два и даже несколько больше. Дети рождаются, одно за другим, быстрее только в таких семействах, где мать или не кормит сама младенца, или вследствие бедности принуждена кончать кормление раньше, чем хотела бы. Но мы говорим, по самым условиям вопроса, о таком обществе, где вовсе не было бы бедности, то есть не представлялось бы женщинам необходимости заботиться о здоровье своих младенцев меньше, чем они хотели бы. Что же оказывается у нас по такому предположению, самому благоприятнейшему для наибольшего числа рождений? Число женщин, способных рожать детей, составляет 20 на 100 всего населения; каждый младенец занимает у матери 2 года; следовательно, число рождений, по физическим условиям организма, не может быть больше 10 на 100 человек населения. Но каждому известно, что, как бы ни был заботлив уход за младенцами, все-таки значительное количество их не может быть спасено от смерти в первые годы. Теперь в обществах, где смертность между младенцами самая меньшая, в первые пять лет жизни умирает более четвертой части рождающихся. Само собою разумеется, что в этой смертности много участвует нужда со своими последствиями; но по самым условиям природы невозможно, чтобы многие из ро-

ждающихся не умирали в тяжелый период младенчества. Вспомним, что при рождении организм младенца переходит из среды, имеющей более 30 градусов, в среду воздуха, которая имеет и, по условиям гигиены, должна иметь вдвое меньшую температуру. Самый акт рождения бывает для младенца, уже по одному переходу в новую, более холодную температуру, таким же кризисом, как пересадка маленького растения из парника в огород. Способ питания также радикально изменяется. Затем следуют разные кризисы органического развития, неизбежно сопровождаемые опасностью для жизни; довольно упомянуть об одном прорезывании зубов. Из этого следует, что, по устранении всякой нужды с ее последствиями, смертность между младенцами должна все-таки оставаться довольно значительная. Зажиточные классы в Англии славятся заботливостью и рациональностью в физическом воспитании детей. Из этих классов землевладельцы (*gentry*), проводящие большую часть года в своих прекрасных домах, где медицинские пособия так же близки, как на континенте в больших городах, ведут самый здоровый образ жизни, пользуясь полным благосостоянием. Мы должны принимать, что нужда с своими последствиями нимало не участвует в смертности младенцев этого сословия. Процент смертности между ними следует считать наименьшим, какой только возможен по самому устройству человеческого организма. Исследования известного английского статистика Чедуика¹¹¹ показывают, что из детей английских землевладельцев в первые пять лет умирает 20%.

Мы видели, что число рождающихся могло бы достигать до 10 на 100 человек населения лишь при том условии, чтобы все без исключения женщины от 15 до 45 лет находились постоянно в положениях беременности и кормления грудью. Мы видим, что при совершенном отсутствии нужды, при самом внимательном уходе за младенцами из этих 10 рождающихся два умирало бы в младенчестве. Итак, остается на 100 человек населения 8 рождающихся.

Но ведь не могут же люди оставаться бессмертными при каком угодно благосостоянии; некоторое число рождающихся, переживающих младенчество, служило бы только для пополнения убыли, производимой неизбежною смертностью в населении старше 5 лет. Из этого следует, что процент размножения должен быть меньше 8.

Вероятно, каждый читатель видит теперь, что он должен быть гораздо меньше 8. В самом деле, возможно ли предположить во всех женщинах органическую способность приходить в положение беременности тотчас же по прекращении кормления и сохранять эту способность до 45 лет? Можно ли считать, что при каком бы то ни было устройстве общества каждая женщина начнет рожать детей с 15 лет и в силах будет родить 15 человек детей? Это явная нелепость. Каково бы ни было общее бла-

госостояние, какова бы ни была акушерская и медицинская заботливость, все-таки рождение первых детей ослабит во многих женщинах способность деторождения. Независимо от этого во всех женщинах способность рожать детей ослабевает с годами. Дело явное, что не может рожаться по 10 младенцев на 100 человек населения и при таком составе общества, в котором женщины от 15 до 45 лет составляют одну пятую часть всего населения. Но они могут составлять такую часть населения лишь в обществе, размножающемся по проценту довольно малому. Если бы периоды удвоения были очень кратки, пропорция взрослых людей в обществе уменьшилась бы от многочисленности подрастающего поколения. Например, при периоде удвоения в 15 лет, число лиц, имеющих более 15 лет, никак не могло бы уже составлять половину населения, — бóльшую половину его непременно составляли бы дети моложе 15 лет *. При совершенном отсутствии нужды средняя продолжительность жизни была бы конечно больше 45 лет; но, положив только 45 лет, мы увидим, что из людей, имеющих более 15 лет, целая половина имела бы более 45 лет. Что же мы получаем?

Люди, имеющие более 15 лет, составляют в населении менее 50%

Из них женщин одна половина, то есть менее 25%

Из этих женщин, более 45 лет имеет целая половина, и остается женщин, имеющих от 15 до 45 лет, менее . . . 12½%

Таким образом полагая период удвоения в 15 лет, мы видим, что женщины, по летам своим способные становиться матерями, необходимо должны составлять в населении такого общества менее 12½%, то есть менее одной осьмой части населения, и число рождающихся должно по органической необходимости составлять менее одной шестнадцатой части населения, то есть менее 6,25%. Но положим 6,25% рождающихся младенцев. Из них по органическим условиям, при полнейшем благосостоянии, умрет во младенчестве одна пятая часть, то есть 1,25%; остается только 5% для размножения людей и для пополнения убыли, производимой смертностью между людьми старше 5 лет. Но для того, чтобы период удвоения имел 15 лет, нужен процент размножения 4,73¹¹²; итак, на покрытие убыли в населении от смертности между людьми старше 5 лет остается только 0,27%. Неужели возможно предполагать при каком угодно благосостоянии такую малую пропорцию смертей в населении старше 5 лет? Это значило бы, что для людей, переживших первые пять лет детства, средняя продолжительность жизни составляет 135 лет,

---

* По известному свойству геометрической прогрессии, имеющей знаменателем 2, последний член ее больше суммы всех прочих членов. Этот последний член — количество лиц, еще не достигших числа лет, соответствующего цифре лет периода удвоения.

то есть лишь немногие из них умирают раньше 100 лет, и довольно многие доживают до 170 лет. Иными словами, — это значит, что предположить период удвоения в 15 лет значит предположить чистую нелепость. Устройство человеческого тела таково, что быстрая размножения по 4,73% превышает физическую возможность организма.

Если бы Мальтус и его последователи умели сами производить расчеты геометрических прогрессий, а не выписывали бы из математических книг цифры, происхождения и смысла которых не понимают сами, они не стали бы говорить о периодах удвоения ни в 10, ни в 12, ни даже в 15 лет. Эти периоды такая же нелепость, как предположение о возможности вырастить дубовый лес в один год.

Повторим кратко результат, найденный нами. Если опростое большинство рождающихся младенцев в самом младенчестве [погибает от нужды], не дающей размножаться населению, то число детей и старых людей в составе населения образует меньшую пропорцию, а пропорция людей от 15 до 45 лет будет сравнительно очень велика; пропорция женщин, способных по своим летам рождасть детей, имеет при таких обстоятельствах наибольшую величину. Но и при таком составе общества 10 рождений на 100 человек населения приходилось бы лишь в том случае, когда бы каждая женщина решительно все время от 15 до 45 лет проводила в сменах состояний беременности и кормления грудью, не оставаясь праздною от этих двух состояний ни на один месяц в течение всего 30-тилетнего периода своей способности рождасть детей. 15-тилетняя девушка — еще ребенок, — нужды нет, она должна немедленно выходить замуж и тотчас же начинать рождасть детей. Женщина 43 лет, имевшая по этому правилу уже 14 человек детей, совершенно изнурена, — нужды нет, она должна снова родить; если бы она утратила эту способность раньше 45 лет, оказался бы недочет рождений. Такое предположение составляет очевидную нелепость, противоречащую всему гигиеническому и акушерскому опыту. Но если общество благосостоятельно, если младенцы не гибнут от нужды, если население размножается, то пропорция детей и старых людей в его составе возрастает, пропорция взрослой молодежи и людей среднего возраста уменьшается и гораздо меньшая пропорция рождений уже становится такою же физическою невозможностию, какою оказывается пропорция 10-ти рождений на 100 человек населения в обществе неразмножающемся; например, при 15-тилетнем периоде удвоения 6,25% рождений составляло бы по пропорции женщин молодых и средних лет такую же физическую невозможность, как 10% в неразмножающемся обществе. А для 15-тилетнего периода удвоения нужен такой процент размножения (4,73%), который требовал бы больше, чем 6,25% рождений, хотя бы ни один младенец не умирал ни от нужды, ни от

небрежности. Из этого следует, что 15-тилетний период удвоения составляет нелепость, превышающую физические силы человеческого организма.

До сих пор мы говорили о том, что по неумению считать, по незнанию со свойствами геометрических прогрессий Мальтус и его последователи предполагали возможность процентов размножения и периодов удвоения, невозможных по устройству человеческого организма. Теперь мы займемся исследованием, какие проценты размножения и периоды удвоения могут быть почтены наивысшими, допускаемыми физическою организациею человека. Но при этом не забудем найденного нами свойства изменений в составе населения: процент женщин, способных по своим летам рождать детей, становится все меньше и меньше по мере того, как увеличивается процент размножения, и процент рождений, возможный в обществе нерамножающемся, становится невозможным в обществе, быстро размножающемся.

Подумаем же сначала о том, какой процент рождений возможен в обществе нерамножающемся или размножающемся медленно. Но предварительно постараемся разяснить себе самую сущность вопроса, — обыкновенно он излагается так сбивчиво, что нелишним будет повнимательнее вникнуть в его смысл.

О чем собственно идет дело? О таком ли числе рождений, к достижению которого может быть принужден человеческий организм внешним насилием, или о таком числе рождений, которое было бы естественным последствием отстранения всяких задержек размножения со стороны нужды? Известно, что всякое живое существо, в том числе и человек, может быть принуждаемо насилием к деятельности, превышающей нормальную его силу. Так, например, можно принудить человека работать по 18 часов в сутки, но такая утрировка не будет благоприятна успешности дела: изнуренный работник в течение 18 часов наработает меньше, чем сработал бы в 10 часов, если бы не изнурены были его силы чрезмерностью работы, налагаемой на него чужою волею. Точно так же организм женщины может быть принуждаем к рождению количества детей, превышающего ее силы; но опять-таки это не будет благоприятно быстроте размножения. Изнуренная мать будет рождать младенцев, лишенных способности жить, притом же [подобное порабощение] женщины возможно лишь при грубости нравов, то есть при невежестве, то есть при дурном положении общества, неблагоприятном размножению. Мы, конечно, ищем не того, какое число детей может родиться в условиях, неблагоприятных размножению, — мы хотим знать, какой процент рождений может быть в обществе при существовании всех благоприятнейших для размножения условий.

Важнейшими препятствиями размножению в существующих ныне обществах должны считаться грубость нравов и нужда. Каким образом относятся оба эти элемента к числу рождений?

Теория Мальтуса говорит нам, что они уменьшают его. Действительно, фабричные работники западных стран удерживаются нуждою от вступления в брак; многие люди среднего сословия также удерживаются ею от женитьбы или по заключении брака от рождения стольких детей, скольких могли бы иметь, если бы не тяготились их многочисленностью. Но такие факты относятся к значительной массе населения лишь с недавнего времени, да и то лишь в немногих странах. В тех же странах в прежние времена было не так, а в других странах не так бывает до сих пор относительно всей массы населения. Нужда нимало не удерживает наших поселян ни от вступления в брак, ни от рождения детей, она действует между ними совершенно обратным образом. Если семейство осталось без взрослого мужчины, нужда заставляет подрастающего юношу жениться как можно раньше, — это представляется [единственным] способом поправить хозяйственные дела. Да и во всяком семействе мужик старается как можно раньше женить сыновей, чтобы иметь даровых работников. Овдовевший мужик женится опять-таки потому, что без женитьбы его хозяйство расстроилось бы. Точно таково же положение дел во всей Австрии, в большей части Пруссии. Нужда, опасение нужды или расчеты, свойственные нуждающемуся сословию, — увеличивают в земледельческом населении этих стран количество браков, принуждают молодых людей вступать в брак раньше, чем они желали бы. Точно так же действует в главной массе населения Восточной Европы и грубость нравов. В низших слоях городского населения она способствует ныне безбрачию, но в сельском населении вовсе не имеет этого действия, а ведет лишь к тому, что жена продолжает рождать детей и тогда, когда по изнурению сил удержалась бы от этого, [если бы не тяготело над нею принуждение]. Такое же действие имеют грубость нравов и нужда в земледельческом населении самой Англии. Из этого следует, что если в некоторых слоях некоторых европейских обществ обстоятельства, неблагоприятные размножению, уменьшают число рождений, то в других слоях тех же обществ и во всей массе населения других обществ эти обстоятельства, напротив, доводят число рождений до величины, какой не могло бы оно достигать при большем благосостоянии и меньшей грубости нравов. Кто вникнет в дело, тот убедится, что в России, Австрии, Италии, в восточной половине Пруссии, всей восточной Германии действительное число рождений никак не меньше, а наоборот, значительно больше того процента, какой был бы при совершенном устранении всех задержек к размножению. Во Франции и в Англии, [конечно, теперь] не то; но и там еще не очень давно было точно так же: бедность не уменьшала, а увеличивала число рождений.

Какое же число рождений находим в странах, в которых бедность и грубость имеют свойство увеличивать число рождений, доводят цифру их до процента, которого не достигала бы она при

благополучия с полною свободою естественных влечений, — до процента, изнурительного для сил женского организма, — словом сказать, до величины, превышающей норму, даваемую натурою человеческого организма?

В большей части случаев цифра эта колеблется между 35 и 40 рождений на 1 000 населения. Она поднимается несколько выше 40 в отдельных небольших областях, где по местным условиям состав населения уклоняется от нормы, — например, взрослые мужчины уходят на работу в другие места, и потому пропорция женщин делается неестественно велика; поднимается выше 40 временным образом и в больших странах после исключительных обстоятельств, истребивших слишком много мужчин и также неестественно возвысивших пропорцию женщин (например, в Пруссии после наполеоновских войн). Но без ненатуральных нарушений в нормальном составе населения число рождений не поднимается выше 40 на 1 000 населения. До 45 оно доходит редко и при исключительных обстоятельствах; выше 45 оказывается лишь изредка в тех странах, статистические отчеты которых не слишком достоверны; до 48 не достигает ни одна цифра, сколько-нибудь заслуживающая вероятия; наконец, 50 рождений на 1 000 населения не показывается даже и в отчетах, не имеющих претензии на точность *.

* В пример берем все цифры выше 35 рождений на 1 000 населения из таблицы, составленной Гильяром (*Eléments de statistique humaine*, стр. 282 и след.); мы перелагаем дроби в десятичные, для удобнейшего сравнения. Цифры ниже 35, относящиеся к тем же странам или странам с такими же обычаями, мы не выписываем.

Страны	Годы, к которым относятся цифры	Число рождений на 1000 населения
Швеция	1757—60	36,30
Бавария	1831—35	35,27
»	1841—45	35,30
Пруссия	1816—20	40,32
»	1821—25	40,47
»	1826—30	37,59
»	1831—35	37,31
»	1835—40	39,07
»	1841—45	40,24
»	1846—50	38,83
Саксония	1836—40	40,84
»	1841—45	40,98
»	1846—50	41,24
Виртемберг	1832—37	44,92
»	1838—42	43,29
Сардиния	1835—40	36,35
Неаполь	1821—24	43,48
Португалия	1838—41	35,50
Нижняя Австрия	1831—35	38,05
»	1836—40	37,55
»	1841—45	40,68

Не знаем, согласится ли с нами читатель, но мы полагаем, что в Восточной Европе число действительных рождений до сих пор остается выше нормального, или, вернее сказать, выше того, какое было бы нормальным при нынешнем состоянии нравственных понятий. Мы полагаем, что едва ли можно ожидать даже 40 рождений на 1 000 человек населения при устранении нужды, насильственно увеличивающей число их. Во всяком случае 45 рождений на 1 000 человек населения, — такая цифра, до которой в обыкновенных обстоятельствах не достигает общество даже под влиянием нужды, значительно увеличивающей их по нашему мнению; цифра эта возможна только при исключительных случаях нарушений нормальной пропорции между числом мужчин и женщин, и нет ни одного достоверного случая, когда число рождений достигало бы до 50 на 1 000 человек населения. Нам кажется также, что при смягчении нравов, при улучшении

Страны	Годы, к которым относятся цифры	Число рождений на 1000 населения
Истрия	1831—35	38,46
»	1836—40	38,09
»	1841—45	37,37
Богемия	1831—35	40,24
»	1836—40	38,98
»	1841—45	40,27
Моравия	1831—35	39,81
»	1836—40	39,52
»	1841—45	40,80
Силезия	1831—35	40,24
»	1836—40	39,88
»	1841—45	40,32
Галиция	1831—35	43,10
»	1836—40	45,66
»	1841—45	46,34
Буковина	1831—35	44,44
»	1836—40	45,66
»	1841—45	47,17
Ломбардия	1831—35	41,41
»	1836—40	43,05
»	1841—45	42,83
»	1846—50	39,29
Венеция	1831—35	40,00
»	1836—40	40,52
»	1841—45	39,87
»	1846—50	37,29

Из этих цифр многие требовали бы проверки; но она отняла бы слишком много времени; а к каким результатам повела бы проверка, читатель может судить по одному примеру, которого не внесли мы в таблицу. В России за 1841—1848 годы Гильяр показывает по Тенгоборскому число рождений 50 на 1 000 населения. Мы не имели под руками данных для проверки цифр за эти годы, но у нас было сделано вычисление за 1847—1856 годы. Оно дает только 41,02 рождений на 1 000 населения, да и эта цифра больше действительной, по неполноте переписей населения¹¹³. Каким же способом за 1841—1848 годы Тенгоборский получил неправдоподобную цифру 50 рождений на 1 000 населения, когда между 1841—1848 и 1847—1856 годами

обращения мужей и отцов с зависимыми от них женщинами число рождений должно значительно понизиться даже при нынешних понятиях о нравственности.

В самом деле, если мы вспомним, какие нелепые условия нужны для получения цифры 100 рождений на 1 000 человек населения, то мы увидим, что и 50 рождений на 1 000 человек населения все еще цифра невероятная по своей огромности. Она требует, чтобы каждая женщина рождала, средним числом, по 7 человек детей. Пусть сообразит каждый из нас, достигается ли такая пропорция в сословиях, пользующихся полным благосостоянием, держащихся обычая заключать браки очень рано и не знающих никакой воздержности в размножении, — например, в купеческом сословии. Считать, средним числом, по 6 человек детей на каждую женщину в таких сословиях, — это уже слишком много, а это составит только 40 рождений на 1 000 человек населения.

Наконец, просим читателя не забывать, что, какую бы цифру рождения ни приняли мы за нормальную при довольно медленном размножении, она должна уменьшаться при более быстром размножении от увеличения пропорции детей в составе населения, в котором нынешняя пропорция взрослых людей поддерживается лишь чрезмерною смертностью между младенцами.

Нам кажется, что если читатель обсудит дело внимательно — он увидит основательность соображений, заставляющих нас принимать 40 рождений на 1 000 человек населения за самую высшую цифру, какая только допускается устройством человеческого организма без насильственного изнурения физических сил женщин в населении неразмножающемся; в населении, размножающемся быстро, цифра эта будет меньше.

Процент размножения получается через вычитание числа умирающих из числа рождающихся. Относительно смертности между детьми до 5-летнего возраста мы имеем в исследованиях Чедуика цифру, которую следует признать за наименьшую возможную по самому устройству организма; но напрасно стали бы мы искать в каких-нибудь статистических исследованиях такой

не было никакой заметной разницы ни в обычаях, ни в обстоятельствах народной жизни? Просто он не потрудился внимательно сосчитать, а написал цифру на-авось.

Есть у Гильера еще одна цифра, заслуживающая оговорки: число рождений на острове Мадере за 1838—1841 годы показано у него 52, 63 на 1 000 населения. Это может быть: в жарких климатах люди быстрее достигают зрелости, потому процент рождений может быть значительно больше, чем в умеренных климатах. Может быть, но только «может быть», потому что любопытно было бы узнать, до какой степени точны переписи населения на острове Мадере. Впрочем, если в жарком климате процент рождений и больше, зато несомненно больше там процент неизбежной, органической или естественной смертности. Потому еще неизвестно, следует ли для жаркого климата принять процент размножения, хотя бы равный проценту размножения в умеренном климате.

же нормальной или наименьшей цифры смертности для остального населения, за исключением детей, имеющих менее 5 лет. Человеческая жизнь во всех сословиях подвержена стольким неприятностям, лишениям и бедствиям, что даже в классах самых счастливых много людей умирают преждевременно. Чтобы достичь цифры, сколько-нибудь похожей на возможную наименьшую, надобно было бы взять на отбор только таких людей, жизнь которых не была сокращена никакими обстоятельствами, похожими на нужду; сосчитав лета, в которые умерли 1 000 или 10 000 таких людей, мы получили бы наибольшую среднюю продолжительность жизни и наименьшую смертность, возможную в нынешнем обществе под условием совершенного благосостояния. Но этого до сих пор никто не сделал; не успели сделать и мы. Поэтому вместо положительных цифр мы принуждены здесь удовольствоваться только соображениями.

Основанием для этих соображений послужат нам таблицы смертности во Франции; Францию предпочтительно перед другими странами мы выбираем потому, что из всех больших держав она имеет самую точную статистику по движению населения.

По вычислениям Чедуика (*Handbuch der vergleichenden Statistik von C. Fr. Kolb*, стр. 401), из детей английских землевладельцев в первые пять лет жизни умирают, как мы уже говорили, 20 на 100 родившихся. По таблице Гейшлинга, исправленной Гильяром (*Annuaire de l'Economie Politique pour 1854*, стр. 462), из 1 000 детей, рождающихся во Франции, умирает в первые пять лет 274¹¹⁴. Из этого мы выводим, что смерть 74 между ними надобно считать следствием нужды; а 200 человек умерли бы и тогда, когда бы все население Франции пользовалось таким же довольством и вело бы такой же здоровый образ жизни, как английские землевладельцы.

Теперь нам нужно рассудить, какую пропорцию умирающих между людьми старше 5 лет во Франции следует считать умирающими от нужды и какое число, за исключением этих лишних умерших, остается на долю самых результатов органического устройства. Неудобство квартиры, сырость и холод, дурное питание и все вредные влияния бедности, конечно, имеют над слабым организмом младенца еще больше силы, чем над детьми, прошедшими период младенчества, и над взрослыми людьми. Если из 274 младенцев бедность убивает 74 и в смерти остальных 200 виновата не бедность, а самая природа человека, то нельзя думать, чтобы пропорция лишних смертей, производимых бедностью, была больше этой цифры между умершими старше пяти лет. Напротив, следует полагать, что излишек смертей от бедности между младенцами гораздо значительнее, чем между людьми, прошедшими слабейший возраст. Нам кажется, что мы останемся ниже пределов вероятности, если положим, что на одну лишнюю смерть выше пяти лет приходится две лишних смерти между

младенцами, или, выражаясь иначе, что младенец вдвое более взрослого ребенка и совершеннолетнего человека слаб перед влиянием дурной материальной обстановки. Впрочем, кому угодно думать иначе, кому кажется, что младенец может переносить холод, сырость и т. д. не хуже взрослого человека, тот найдет у нас вычисление, сообразное такому взгляду, подле вычисления, принимаемого нами за более согласное с рассудком. Приступаем же к этим вычислениям.

Среднее население Франции за период 1840—1849 годов было 34 964 500 человек. Среднее число рождений за эти годы было 997 896. Среднее число смертей 842 919. Прежде всего отделим между умершими младенцев до 5-тилетнего возраста от остальных умерших. Они составляли в общей цифре 34,0250% (*Annuaire de l'Economie Politique pour 1854*, стр. 456), то есть число этих младенцев было 247 735. Остальные 595 184 человека между умершими были старше 5-ти лет. Полагая, что нужда действовала на младенцев не убийственное, чем на взрослых, мы найдем, по пропорции 200 : 274, что из этих 595 184 смертей 434 441 составляют естественный результат, не зависимый от нужды, а 160 743 смерти надобно приписать бедности. 595 184 смерти выше 5 лет на 34 964 500 человек составляют 17 022 смерти на 1 000 000 жителей, или 1,7022%, 434 441 смерть на то же население составляет 12 425 на 1 000 000, или 1,2425%.

Разница между 17 022 и 12 425 составляет 4 597. Если мы положим, что бедность отражается на смертности младенцев вдвое сильнее, чем на смертности взрослых, то надобно между взрослыми только половину этой цифры, 4 597 считать цифрой смертей от нужды, а другую половину надобно приписывать также самому устройству человека.

Таким образом, мы имеем во Франции 17 022 смерти между взрослыми на 1 000 000 населения. В этой цифре одна часть производится внутренним законом, по которому каждый человек, как бы хороша ни была его житейская обстановка, все-таки должен раньше или позже умереть; эту часть мы должны назвать естественной наименьшей смертностью. Мы получим ее, когда из общей цифры вычтем число смертей, производимых нуждою и всеми вредными ее последствиями.

Если мы положим, что нужда действует на младенцев не сильнее, чем на взрослых, то из 17 022 мы должны вычесть 4 597 смертей, как следствие нужды, и естественная смертность между людьми старше 5 лет остается у нас только 12 425 на 1 000 000.

Если же нужда действует на младенцев вдвое сильнее, чем на взрослых, вычитать надобно только 2 298, и естественная смертность между людьми старше 5 лет остается 14 724.

Естественная смертность между младенцами в первые пять

лет составляет, по исследованиям Чедуика, 20 умирающих на 100 человек родившихся.

Мы имеем теперь приблизительные определения двух факторов, от сочетания которых зависит пропорция размножения.

Мы видели, что [при нынешней зависимости] женщин число рождений едва доходит до 40 на 1 000 человек населения в стране, где естественная норма, сообразная с силами женского организма, превышает. Мы видели, что цифра 45 рождений на 1 000 представляется лишь как редкое исключение и в большей части случаев едва ли может считаться достоверною; а до цифры 50 на 1 000 не доходит ни одна нация, имеющая верные народные переписи. Надобно думать, что с улучшением положения женщины число рождений станет ниже цифры 40 на 1 000, выше которой едва ли можно с достоверностью принимать пропорцию рождений и при нынешней зависимости женщин.

Наименьшая смертность между новорожденными, при всевозможном благосостоянии в нынешнем обществе, простирается до 20 на 100, а наименьшая смертность между людьми, имеющими более 5 лет, по всей вероятности, не меньше 1,47 (1,4724) % и ни в каком случае не меньше 1,24 (1,2425) %.

Вот крайние пределы наибольшего числа рождений и наименьшего числа смертей в обществе, в котором бедность не была бы причиною ни одной смерти и не останавливала бы ни одного рождения. Пределы эти с обеих сторон довольно широки. Предоставляем читателю самому судить, какая цифра наиболее вероятна на той и на другой стороне. Вычислим теперь проценты размножения и периоды удвоения по цифрам, между которыми каждый может выбрать ту, которая кажется ему вероятнее.

Процент рожде- ний	Процент умирающих до 5 лет (20 на 100 рождаю- щихся)	Процент умирающих старше 5 лет	Остаток (перевес числа рождений над числом смертей) или проц. равножения		Число лет в периоде удвоения при соответ- ствующем проценте	
			наиболь- ший	вероят- нейший	наиболь- шем	вероят- нейшем
5,0	1,00	от 1,2425	2,7575	— 2,5275	25,48	— 27,77
4,5	0,90	до 1,4725	2,3575	— 2,1275	29,75	— 32,93
4,0	0,80		1,9575	— 1,7275	35,75	— 40,47
3,5	0,70		1,5575	— 1,3275	44,85	— 52,56

Читатель видит, что для периода удвоения около 25 лет нужно число рождений, значительно превышающее даже исключительные случаи особенной многочисленности рождений. Он видит, что при цифре 40 рождений на 1 000 человек населения, — той цифре, которая даже в обществах, где действительное число рождений превышает норму сил женского организма, бывает обыкновенною лишь пока размножение задерживается нуждою, период удвоения оказывается от 35,7 до 40,5 лет, и последняя цифра основана на более вероятной пропорции нормальных

смертей. Он видит также, что продолжительность периода удвоения растет по гораздо быстрее прогрессии, чем уменьшается число рождений. Так от уменьшения рождений с 50 на 1 000 до 45 — период размножения по вероятнейшему проценту нормальной смертности возрастает на 5,2 лет; при уменьшении рождений еще на одну половину процента период удвоения возрастает уже на 7,5 лет, а при уменьшении рождений еще на половину процента — уже на 12,1 лет. Мы говорили, что каждое улучшение в положении женщины должно иметь своим результатом уменьшение числа рождений. Цифра 35 на 1 000 так недалеко от нынешней цифры обществ, где бедность при [зависимом] положении женщины ненормально возвышает цифру рождений, что эту цифру 35 надобно считать самым высоким пределом числа рождений при самом незначительном улучшении положения женщины. До какой цифры спустилось бы число рождений [при довольно хорошем ограждении независимого положения женщины], конечно, мы не можем сказать теперь, потому что [нет у нас не только статистических сведений об обществах, в которых положение женщины было бы независимым, но и вовсе нет еще таких обществ]. Достоверно только одно: число рождений, при котором размножение населения становится очень медленным, недалеко от той цифры, до какой должно уменьшиться число рождений, если прекратится в массе народа хотя то грубое насилие, которое уже брошено образованным сословием.

Все, что говорено нами до сих пор, относится к обществам, имеющим понятия и обычаи такие, как теперь. Здесь не место рассуждать о том, какие перемены должны произойти от распространения образованности между простолюдинами. Но каждому понятна тесная связь между обычаями массы и идеями, при каких остается даже образованная часть общества. Каково бы ни было развитие отвлеченной науки, обычаи образованных сословий не могут быть очень далеки от обычаев массы, а понятия человека не могут быть далеки от обычаев, которых он держится. Конечно, самый ученый, или, что еще лучше, самый просвещенный мусульманин не чувствует всей нелепости многоженства так живо, не имеет о ней таких ясных понятий, как мы, привыкшие жить в обществе, где господствует единоженство. Едва ли кто-нибудь скажет, что и наши нынешние обычаи составляют верх совершенства. На этом мы остановимся, предоставляя отдаленному будущему решить, сохранятся ли в нем, в отдаленном будущем, те из наших обычаев и понятий, при которых число рождающихся хотя сколько-нибудь может превышать, при полном материальном довольстве, число умирающих. Заботиться о том, что станет делаться между людьми через 500 лет, не наше дело; для нас довольно, если мы убедимся, что ужасы, которыми грозят нам, составляют и при наших обычаях, и при наших господствующих понятиях совершенно пустые фантомы не только

относительно нас, но и относительно наших потомков на несколько веков.

Мы нашли, что период удвоения, при нынешних обычаях страны, где число рождений даже превышает естественную норму, имеет едва ли меньше, а по всей вероятности больше 35 лет. Мы видим, что периоды удвоения в 15 или 12 лет — чистая химера, происшедшая только от забвения о действительно-возможном наибольшем числе рождений, и что даже период удвоения в 25 лет, казавшийся Мальтусу самым продолжительным из всех вероятных, должен считаться, напротив того, неправдоподобно-кратким. Мы знаем теперь, что даже при нынешнем состоянии земледелия, самые населенные страны Европы могут своими продуктами содержать население в восемь раз больше нынешнего. Таким образом даже в них нечего было бы опасаться за три периода удвоения. Эти три периода никак не могли бы занять менее целого столетия, хотя бы не умер с нынешнего дня ни один человек от нужды, и рождалось полное число детей, какое только может быть рождено женщинами тех стран.

Эта отсрочка всякой нужды в продовольствии, при быстрейшем возможном размножении населения, дается уже нынешним состоянием земледельческой техники или, лучше сказать, даже и не нынешним, а таким, какое было назад тому лет двадцать, когда еще не начинались попытки приложения машинных способов производства к земледелию. Гаспарен, цифры которого служат основанием нашему выводу о легкости увеличить земледельческий продукт наиболее населенных стран Западной Европы в восемь раз¹¹⁵, еще не принимает в соображение новейших усовершенствований. При них, конечно, получается еще больший продукт. Надобно притом заметить, что увеличение продукта в восемь раз, о котором говорит Гаспарен, получается через увеличение труда и капитала не в восемь раз, а в пропорции гораздо меньшей. Нынешний продукт Франции производится капиталом, который Гаспарен определяет в 12 миллиардов франков; чтобы увеличить продукт в восемь раз, нужно, по его счету, еще 51 миллиард франков, то есть для прибавки 700% в продукте нужна прибавка в капитале и в труде только на 425%. Это значит, что когда население Франции возросло бы в восемь раз, то для получения продовольствия в нынешнем достоинстве ему пришлось бы употреблять только две трети усилий, с которыми добывается продовольствие ныне, или при одинаковости труда французы имели бы тогда пищу в полтора раза лучше нынешней. Кажется, что этой вековой отсрочки бедствий от размножения людей довольно для успокоения нынешнего поколения; кажется, ясно должно быть для нас, что не излишеству населения и не закону размножения людей следует приписывать нынешнюю нужду, а надобно отыскивать другие причины ее; кажется, ясно, что не заботу об уменьшении числа рождений, а заботу об исправлении

каких-нибудь недостатков экономического быта — следует считать прямым лекарством от нынешней нужды. Нужда от излишества населения и при нынешнем состоянии земледелия могла бы настать не раньше трех периодов удвоения, кратчайший срок которых 100 лет; а в этот век земледелие, вероятно, сделало бы некоторые технические успехи, которыми опять отдалялась бы эпоха недостаточности продовольствия для людей, размножающихся со всевозможною быстротою. Но если кому-нибудь целое столетие кажется перспективою слишком краткою, если кто имеет такое чувствительное сердце и пугливое воображение, что захочет в 1860 году мучиться страхом бедствий, которые не могли бы никак начаться раньше 1960¹¹⁶ года, тот может найти себе некоторое облегчение в мыслях о переселении.

Если период удвоения считать в 20 или 15 лет, то надобно согласиться, что последователи Мальтуса совершенно правы, когда говорят, что эмиграция не может послужить прочным противодействием бедствию от недостатка продовольствия. Действительно, при таком проценте размножения она не может увеличить продолжительности каждого периода удвоения большим числом лет. Если, например, период удвоения 20 лет, то процент размножения 3,6; если при таком размножении будет эмигрировать ежегодно 1,5% населения, то все-таки за этой убылью останется ежегодное приращение в 2,1%; а при этом проценте население страны все-таки удвоится в 33 года; эмиграция, как видим, растянет период удвоения только на 13 лет. Но совершенно иное дело, если периоды удвоения и без эмиграции довольно длинны; тогда она может удлинять их очень большим числом лет. Мы видели, что вероятнейший период удвоения имеет, при нынешнем положении женщины, не менее 35 лет, а при некотором (незначительном) улучшении ее положения — около 52 лет. Посмотрим, на сколько удлинятся эти периоды от переселения.

Переселение, размером в 0,5%, при нынешнем состоянии путей сообщения — должно назвать чрезвычайно легким. Очень легко совершается переселение даже в размере 1%. Мы имеем примеры тому, что годичная эмиграция в 1,25% населения тех стран, из которых шло переселение, совершалась без экономического затруднения*.

* Из Германии вышло переселенцев:

в 1852 году	162 301 человек
» 1853 »	162 568 »

В 1854 году размер переселения был еще значительнее. Австрийские и прусские области Германского Союза почти не участвовали в этом движении. Население всех остальных государств Немецкого Союза составляло тогда 17½ миллионов. Многие из этих государств давали также ничтожную долю переселенцев, потому надобно считать, что некоторыми государствами, принимавшими главное участие в этом движении, выселялось ежегодно более чем 1,25%. Так, например, из Бадена, имевшего в 1855 году 1 315 000 жителей, выселилось в 1854 году 21 561 человек: это составляет 1,7%.

Процент размножения	Период удвоения без эмиграции	Эмиграция	Процент, по которому размножается население, остающееся в стране	Период удвоения населения, остающегося в стране
1,9575	35,8	0,5	1,4575	49,90 лет
1,3275	52,6	0,5	0,8275	91,68 »
1,9575	35,8	1,0	0,9575	72,74 »
1,3275	52,6	1,0	0,3275	212,00 »
1,9575	35,8	1,25	0,7075	98,32 »
1,3275	52,6	1,25	0,0775	894,80 »

Из этой таблицы¹¹⁷ читатель видит, что при эмиграции в 1% период удвоения от 36—52 лет удлинится до 73—212 лет; при эмиграции в 1,25% он достигает 98 лет, если положение женщины не улучшается, а при его улучшении период удвоения растягивается слишком на 894 года.

Теперь, кажется, факт недостатка продовольствия от размножения людей отстранен на расстояние, достаточно далекое для человека с самою пылкою охотою забывать о настоящем из-за опасностей будущего. Если бы какой-нибудь стране действительно стало угрожать излишество населения, она может при помощи эмиграции устранить это стеснение по крайней мере на 894 года, если сама не пойдет вперед по пути цивилизации, а если сделает в течение следующих веков хотя малейшие успехи в цивилизации, сравнительно с нынешним своим бытом, то отстранит от себя опасность на 2 684 года, т. е., считая от нынешнего 1860 года, в первый раз почувствует стеснение от излишка населения не раньше 4544 года по Р. Х.

Читатель понимает, какой смысл имеют эти громадные цифры периода удвоения в 894 года, периода отсрочки земледельческого дефицита на 2 684 года, — цифры, явно смеющиеся над нами и своею огромностью, превышающею всякий расчет экономических вероятностей, и своею нелепою претензиею на точность; эти цифры говорят нам: не бойтесь; кто хочет запугать вас, против того выставьте вы нас, — опровергнуть нас нельзя; но мы построены на нынешних ваших обычаях и понятиях, — неужели вы [грубые, варвары, воюющие между собою, угнетающие друг друга, неужели вы] думаете мерить далекое будущее вашими обычаями, понятиями, средствами производства? Неужели вы полагаете, что ваши праправнуки будут такими же [варварами,] как вы? Не бойтесь, они будут умнее вас [дикарей]. Думайте о том [как вам, невеждам, устроить вашу жизнь хотя несколько лучше нынешней], а заботу о судьбе праправнуков оставьте праправнукам. Вы можете видеть, что не только вы можете, что и ваши дети и внуки могут уже обеспечить себя от нищеты, — ну, пусть этого и будет довольно с вас: через 200 лет люди будут смеяться над вашими надеждами на будущее, как надеждами слишком мелкими, над вашими опасениями за будущее, как опасениями, приистекавшими только из вашей дикости. [Вы <не> знаете, как

следует жить на свете просвещенным людям; вы не знаете, что такое муж, жена, дети, что такое любовь, счастье по истинно-человеческим понятиям; вы недалеко ушли в этих понятиях от турок и персиян. Больше этого не стоит и рассуждать с вами, варварами, не умеющими уважать женщину, не признающими чувств молодости.]

V

Действительный источник дефицита в земледельческом продукте и истинный смысл мальтусовой теории

Соображения, нами изложенные, приводят к таким результатам:

Убыль производительности земледельческого труда при возрастании количества труда на данном пространстве земли, без улучшения земледельческой техники и житейских отношений, определена Мальтусом под влиянием понятий, явно преувеличенных. Какова она на самом деле, никто не потрудился определить, но в каждой агрономической книге находятся доказательства, что она гораздо меньше, чем полагал Мальтус.

По какому проценту способно размножаться население при устранении всех задержек, этого опять никто не потрудился определить, и все продолжают повторять мнение Мальтуса, преувеличенность которого опять-таки ясна для каждого, кто захочет вникнуть в дело. Отчасти по недостатку статистических данных, а еще больше по незнакомству с высшими частями математики, мы не в силах были определить наибольший возможный процент возрастания точным образом и принуждены были ограничиваться отыскиванием приблизительных цифр. Самая высокая из этих приблизительных цифр дает период удвоения продолжительнее того, какой казался Мальтусу самым длинным; периоды удвоения менее 25 лет оказываются совершенно неправдоподобными, а самый краткий из вероятных пределов периода удвоения при нынешних нравах — около 35 лет. Смягчение нравов ведет к удлинению периода удвоения, и мы не имеем предела, о котором можно было бы сказать, что при известном смягчении нравов он не окажется все еще слишком короток; напротив, есть основание думать, что при устранении нынешней грубости семейных отношений действием распространяющегося просвещения размножение прекратится, и число населения станет увеличиваться лишь вследствие общественной надобности в том: а когда надобности в том не будет, не будет и размножения. Человеческий организм устроен так, что можно сомневаться в том, свойственно ли ему даже поддерживать существующее число населения, если он не возбуждается тяготением общественного мнения, то есть расчетом пользы. Очень вероятно, что, если число рождений не возвышается искусственно принуждением со стороны об-

щественного мнения, а предоставляется действию естественных чувств человека, то оно едва достаточно для покрытия убыли от смертности, производимой не нуждой и ее результатами, а самым устройством организма.

Но как бы то ни было, ни в каком случае дефицит земледельческого продукта не может появляться от естественной невозможности предотвратить его. Если мы примем явно преувеличенную прогрессию ослабления производительности земледельческого труда, принимаемую Мальтусом, и если мы примем какой угодно краткий период удвоения, хотя бы явно невозможный по устройству организма, мы все-таки получим, что для предотвращения дефицита нужно было бы усовершенствование земледельческой техники лишь в таком размере, который гораздо меньше действительного прогресса в земледельческом искусстве. Размер земледельческих улучшений, требуемый для предотвращения дефицита, даже при быстроте размножения, далеко превышающей физические силы организма, так мал, что всегда во всех прогрессирующих странах действительное улучшение земледельческой техники шло гораздо быстрее.

Наконец, как бы ни думали мы о возможности или легкости дальнейших земледельческих усовершенствований, нынешнее положение земледельческой техники таково, что предотвращает естественное появление дефицита в земледельческом продукте по крайней мере на три периода удвоения даже в странах, имеющих ныне самое густое население. Нынешнее состояние земледельческих знаний таково, что и без всякого прогресса в нем даже сама Великобритания с Ирландией может производить в восемь раз больше продовольствия, чем ныне. Для других европейских стран еще значительно более пропорция возможности увеличить свой нынешний земледельческий продукт при нынешнем состоянии техники без всякого обременения условий, на которых получается нынешний продукт, или, точнее сказать, с облегчением этих условий. Если ныне трудом одного работника получается в Англии или какой бы то ни было другой стране с известного количества земли 40 четвертей пшеницы, то при нынешнем состоянии земледельческой техники трудом 8 работников на том же пространстве земли легко получить 320 четвертей, никак не меньше, а по всей вероятности даже больше.

Итак, нынешним состоянием земледельческих знаний самая густо населенная страна обеспечена от недостатка продовольствия на три периода удвоения. Какую продолжительность имеет этот срок обеспечения, даваемого нынешним состоянием знаний? Можно опровергнуть бесспорными математическими доказательствами человека, который вздумал бы говорить, что три периода удвоения займут время меньше 100 лет при всевозможной быстроте размножения, какая только допускается самым устройством организма, и надобно думать, что этот срок не меньше

120 лет. Но таков он — от 100 до 120 лет (или по всей вероятности несколько больше) — только в таком случае, если нет никакой эмиграции из страны, о размножении населения которой мы говорим. Если же часть населения эмигрирует в страны, еще не населенные или слишком мало населенные (а из всех густо населенных стран идет теперь такая эмиграция), то период удвоения значительно растягивается. При эмиграции слабой (примерно около $\frac{1}{2}\%$) он удлиняется до 50—75 лет, и три периода удвоения займут от 150 до 250 лет с лишком. При эмиграции довольно значительной (примерно около 1%) период удвоения потребует от 75 до 200 лет, и три периода удвоения займут от 250 до 600 лет. Наконец, при эмиграции более сильной период удвоения будет возрастать до гораздо большего числа лет, и, например, при эмиграции около $1\frac{1}{4}\%$ он никак не может потребовать менее 100 лет, а по всей вероятности потребует несравненно большего числа лет, между тем эмиграция в $1\frac{1}{4}\%$ не имеет ничего трудного даже при нынешнем состоянии средств сообщения, хотя бы совершалась на самое далекое расстояние, на целую половину окружности земного шара¹¹⁸.

Таким образом нынешним состоянием земледельческой техники, при нынешних средствах переселения, самые густо населенные страны обеспечены от недостатка продовольствия по крайней мере больше, чем на 400 лет, а по всей вероятности, на период, несравненно продолжительнейший. Неужели правдоподобно было бы предположить, что в течение столь долгого времени, в течение нескольких веков земледельческие знания не сделают никаких успехов? Это явная нелепость. Земледельческое искусство находится ныне еще в младенческом положении; разработка естественных наук, от которых все тут зависит, еще только начинается. Надобно послушать химиков¹¹⁹ о том, какие надежды имеют они на результаты дальнейшего развития своей науки, и мы увидим, что нынешние способы добывания пищи скоро будут казаться такими же грубыми, медленными, малопроизводительными, как представляются нам теперь прежние способы прядения ручным веретеном или перевозки посредством вьючных караванов. Наша цивилизация еще только начинается, и мы не в силах представить себе, даже при самом пылком воображении, до какой власти над природою доведет нас она, — нас, людей ныне живущих, а не потомков наших, — через какие-нибудь 30 или 40 лет, а не через 300 или 400 лет. Кажется, нечего беспокоиться нам о том, будут ли потомки наши через 400 лет иметь земледельческую технику лучше нынешней. Вероятно, будут. А на 400 лет ограждает человечество от недостатка продовольствия нынешняя техника.

Мы пришли к результату, противоположному выводам, какие делает из своей теории Мальтус. Пусть вспомнит читатель коренную мысль знаменитой мысли Мальтуса: есть люди, при-

писывающие нищету и другие бедствия неудовлетворительности человеческих отношений, говорит он: — нет, зло, проистекающее из человеческих отношений, только поверхностное, второстепенное, ничтожное зло, устранением которого нисколько не облегчилась бы судьба людей, потому что коренной источник главной массы нынешних бедствий лежит в законе самой природы. Действием закона природы должно неизбежно производиться столько нищеты с ее последствиями, чтобы истреблялись те лишние люди, которые не истребляются злом, происходящим от человеческих отношений; уменьшением этого зла, проистекающего от человеческих отношений, только увеличился бы размер действия зла, производимого законом самой природы. Правда, бедствует и погибает от самих людей много людей, но погибающие не могут избежать гибели, — их [пожрет] природа, если не истребят человеческие отношения. Думают, продолжал он, что действие закона природы могло бы надолго быть отвращено или смягчено улучшением человеческих отношений; [—о, если бы так, — я стал бы самым жарким поборником теорий улучшения, ныне отвергаемых мною. Но] природа не даст отсрочки, сколько-нибудь чувствительной; никакими усилиями нельзя остановить ее истребительного действия хотя на несколько десятков лет; [потому и надобно отвергнуть теории, ожидающие прочного блага от улучшения человеческих отношений].

Мы нашли, что все это совершенно не так. В руках человека, при нынешнем положении знаний, находятся средства устранить гибельное действие закона природы на несколько столетий; а в течение этих долгих столетий знания, конечно, разовьются, в этом никто не может сомневаться; а каждое развитие знаний снова и снова продолжает срок возможности отстранять гибельное действие закона природы. На необозримое пространство времени отстраняется право приписывать закону природы человеческие бедствия. Все то будущее, о котором в силах мы судить или хотя воображать, и далекое течение времени за самыми пределами этого горизонта — очищено наукою от необходимости или какой бы то ни было надобности быть бедственным для человека. [Сломана дилемма: «зло проистекает или только из закона природы или из человеческих отношений». Оно проистекает только из человеческих отношений. Нет отговорки против требований человеческой природы, чтобы зло истребилось. Оно от нас; от нас зависит и истребить его.

Но чтобы открыть возможность истребить его, нужно знать, из каких именно отношений происходит оно; нужно знать, какие отношения в каком смысле должны быть изменены для искоренения зла].

Мальтус воображал, что источник зла в физической любви; что она должна быть обуздываема. Но это значит опять-таки сваливать причину зла на природу, ставить разрешение задачи

выше власти человека. Физическая любовь не есть нечто зависимое от человеческих отношений, она принадлежит не общественному быту, а органическому действию, существующему в натуре отдельного человека, подобно явлениям питания, кровообращения, отделения желчи, слюны и т. д. Говорить о воздержности в физической любви — это значит то же самое, что говорить о воздержности в пище. Конечно, с развитием благоразумия человек отвыкает от обжорства; но все, чего можно ожидать или требовать в этом отношении, состоит в том, чтобы он не переходил границ, требуемых здоровьем организма. Ожидать, чтобы человек стал по благоразумию принимать меньше пищи, чем нужно его организму, значит ожидать невозможного; требовать этого значит быть жестоким без всякой вероятности достичь какого-нибудь результата своею жестокостью. Люди никогда не станут добровольно держать себя в состоянии голода. Другое дело — держать их насильно в голодном состоянии: это возможно [лишь бы достало физической силы у тех, которые хотят держать других людей голодными. Но политическая экономия превосходно доказывает, что насильственные меры никогда не бывают полезны тем, против кого направляются, и в общей сложности вредят даже тем, которые направляют их против других людей]. Она вся построена на той мысли, что хороших результатов достигает человек только добровольною, самопроизвольною деятельностью. Ожидать от такой деятельности воздержания в пище, превышающей гигиеническую надобность, как мы сказали — совершенный вздор. А известно, какой результат достигается, когда человек ограничивает себя в употреблении пищи только до пределов гигиенической надобности: результатом будет, что он, сохраняя хорошее здоровье и хороший желудок, проживет гораздо больше и в общем итоге съест гораздо больше пищи в свою жизнь, чем когда бы обжорствовал, то есть часто доводил свой желудок до расстройства, до бессилия принимать пищу, и сокращал свою жизнь. Точно то же и с физической любовью. О чем вы говорите? — О том ли, чтоб человек не предавался в ней излишеству, вредному для организма, или о том, чтобы он доводил свою воздержность до высоты, превышающей гигиеническую норму? Если дело идет о воздержности от вредного здоровью излишества, ваше требование превосходно, и можно надеяться, что люди лучше и лучше станут исполнять его по мере развития образованности. Но результатом будет здесь не уменьшение, а увеличение итога явлений, называемых физической любовью, как результатом воздержности от обжорства бывает не уменьшение, а увеличение итога деятельности желудка. Если, например, вы говорите, что подрастающему человеку следует воздерживаться от преждевременной физической любви, это совершенно справедливо, и люди будут со временем следовать этому гигиени-

ческому правилу, когда человеческие отношения улучшатся, [жизнь перестанет быть школою разврата, воспитание] преждевременно раздражать воображение и рождать в голове мысли о вещах, еще не требуемых организмом мальчика или девочки. Но человек, не ослабивший своих сил преждевременной физической любовью, будет по достижении лет, нормально соответствующих началу ее, иметь к ней гораздо больше сил и сохранять эти силы гораздо дольше, чем если бы ослабил себя, преждевременно предавшись ей, когда еще организм его недостаточно развился. Точно так же вы говорите очень хорошо, если желаете, чтобы совершеннолетние люди не предавались физической любви до излишества, истощающего силы. Но тут опять-таки вы достигаете лишь того, что в общей сложности человек будет больше и дольше пользоваться физической любовью. Требование воздержности в пределах гигиенической нормы, — требование, подобное с рассудком и пользою человека, требование осуществимое, но ведущее к возрастанию роли, какую имеет любовь в человеческой жизни.

Совершенно иное дело, если требование воздержности состоит в намерении уменьшить эту роль, в чем и состоит мальтуса теория воздержности. Для этого надобно не то, чтобы человек соблюдал гигиенические правила, а чтобы он отказывал своему организму в одной из природных его функций; чтобы люди захотели держать себя в том роде, как держали бы себя — закрывая глаза, когда хочется не спать, а смотреть, затыкая уши, когда хочется слушать, голодая, когда здоровый желудок требует пищи: это требование неосуществимое. Добровольно так держать себя станут, при каких бы то ни было обстоятельствах, лишь чрезвычайно немногие люди исключительного характера; они всегда есть и будут, как всегда есть и будут люди, [по целым месяцам добровольно не говорящие ни слова ни с кем, или] не чувствующие желания подышать свежим воздухом, или отворачивающиеся от хорошей картины, от живописного пейзажа. Какое бы странное расположение характера ни придумали вы, всегда вы найдете нескольких людей такого расположения. Есть люди, предпочитающие душную атмосферу чистому воздуху, предпочитающие скучную книгу интересной и т. д. Но по каждому такому отношению число [подобных людей с противоестественным] расположением характера или темперамента так ничтожно, что их образ действий [может служить предметом патологического исследования, предметом любопытства, источником курьезных анекдотов, предметом порицания или похвалы, омерзения или удивления (ведь есть такие роды помешательства, которые возбуждают высокое уважение к помешанному), но не имеет и никогда не может иметь ни малейшего] влияния на общий ход народной жизни. Из тысячи человек один подавит в себе физическую любовь, — нет, не найдется и одного такого на

целую тысячу людей, — что ж из того? Какое заметное влияние на массу наслаждения физической любовью в обществе или на процент размножения будет иметь воздержность этого человека? Те из мальтусианцев, которые ожидают хотя бы самых ничтожнейших результатов от теории добровольного воздержания — [просто люди тупоумные или несчастные мономаны, доведенные фантастическим идеализмом до помешательства]. Но таких людей мало между ними: почти все они очень хорошо знают, что все слова их о добровольной воздержности — пустые слова, что воздержностью от физической любви размножение может быть останавливаемо или замедляемо лишь в том случае, когда воздержность налагается на людей внешним принуждением: постановлениями или обычаями, воспреещающими людям вступать в брак, если не достигли они известных лет или известного положения в обществе. В том и другом случае дело относится главным образом к мужчине, потому что он глава семейства, он обязан содержать семейство, наконец, он располагает самым заключением брака, потому что он ищет себе невесту, когда хочет, а девушка играет пассивную роль, ждет, пока явится жених. Рассмотрим же результаты, которых следует ожидать от стеснения мужчин законами или обычаями относительно женитьбы. Были и отчасти сохраняются до сих пор такие формы быта, в которых личная мысль человека не развита, в которых он подчиняется существующим обычаям или постановлениям, не рассуждая о них, и по слабости мышления не представляет себе возможности поступать иначе. Таков до сих пор быт массы земледельцев не у нас одних, а также и во всей Европе, даже в самой Англии. Рутинa — дурная или хорошая — властвует над их жизнью. У нас, например, принято поселянами, что каждому парню следует жениться как можно раньше. У других поселян, например, в северной Италии и южной Франции, существует правило, что не следует парню жениться, пока он не найдет себе особенной фермы, и значительная часть поселян женится поэтому в летах не очень молодых. Который из этих двух обычаев хорош, или оба они хороши по местным обстоятельствам, не в том дело; дело в том, что они оба соблюдаются и поступки каждого отдельного поселянина сообразуются с господствующим в его земле обычаем. Покорность обычаю устраняет развитие явлений, несогласных с ним, и, например, между поселянами южной Франции нет разврата, хотя многие из них женятся поздно. Но цивилизация идет не к тому, чтобы развиваться или хотя сохранялась безответная покорность обычаю. [Цивилизацией развивается мысль, то есть и стремление каждого человека поступать не так, как говорят другие, а как удобно или приятно ему самому]. В городском населении люди мыслят уже самостоятельно, и зараза самостоятельности в мыслях, ведущей к самостоятельности в поступках, разливается из горо-

дов в села. А между тем пропорция городского населения все растет. Значительная часть каждой европейской нации перешла, остальная не замедлит перейти в состояние, при котором люди могут соблюдать обычаи по расчету, но не хотят подчиняться его последствиям, если находят их стеснительными для себя. Слепое сердечное подчинение всех поступков обычаю может при обычае, запрещающем женитьбу до известных лет или до известного устройства жизни, задерживать размножение с сохранением народной нравственности. Прежде так и было. Теперь отчасти уже не то, а скоро будет совершенно не то: личность развивается [и разрушает искреннюю покорность стеснительным последствиям обычаев]. Известно, какую жизнь ведут те люди городского населения, которые не могут вступать в брак. Они предаются физической любви никак не меньше людей, живущих в браке, только правильные отношения заменяются у них другими. Связи вне брака производят меньше детей, чем брачные отношения, только тогда, когда еще остаются в мнении общества делом постыдным, то есть пока еще не распространились в массе населения. Если же они становятся общим правилом, то люди перестают стыдиться их; тогда и внебрачные связи производят совершенно такое же число детей, как брачное сожителство. Если бы для блага человечества нужно было заботиться об уменьшении числа рождений, достичь этого нельзя было бы ни фразами о воздержности от физической любви, которые по натуре человека всегда будут оказываться бессильными, ни затруднениями вступления в брак, которые вели бы только к связям вне брака, при своей распространенности дающим такое же число рождений, как и брак.

Но мы видели, что ни теперь, ни в течение многих, по крайней мере, 10 следующих поколений не будет никакой надобности заботиться об уменьшении числа рождений, потому что теперь никакая быстрота размножения не служит и в течение нескольких веков не будет служить причиной нищеты. Мы видели, что нищета происходит не от закона природы, а просто от человеческих отношений, и если б не они, то нынешнее состояние земледельческого искусства на несколько веков обеспечивало бы людей от недостатка в продовольствии при полной быстроте размножения, к какой только способен организм. [Мысль подстановить воздержность вместо болезней и других последствий нищеты для задержки размножения должна считаться только последним средством отклонить вопрос о нищете от анализа человеческих отношений, попрежнему свалив вину нищеты на закон природы только под другим именем, между тем как вина тут вовсе не в природе].

Чтобы понять, отчего на самом деле происходит дефицит земледельческого продукта с нищетой и другими своими результа-

тами, обратим внимание на два обстоятельства — на отношение основного капитала к прибыли и на пропорцию земледельческого населения в общем составе населения.

Все наши прежние соображения о величине земледельческих улучшений, требуемой для покрытия дефицита при размножении, основаны на том, что пропорция населения, занимающегося земледелием, остается неизменною при возрастании населения. Это условие принимается и в мальтусовой теореме; иначе и не следует поступать в науке, основанной на гипотетической методе: она всегда начинает разъяснение вопросов тем, что приводит их в наипростейший вид, условно отвлекая сущность дела от всех посторонних обстоятельств, которыми изменяется оно в действительности. Но по разъяснении сущности дела, наука обращается к рассмотрению форм, которыми облекается оно в действительности под влиянием других элементов общественной жизни.

По отношению к пропорции между земледельцами и всею массою населения могут быть предположены еще два случая, кроме простейшего, которым ограничивались мы до сих пор. Что такое было бы при сохранении неизменной пропорции — выводы мы уже видели; но пропорция между числом земледельцев и числом населения может также уменьшаться или увеличиваться. Посмотрим сначала, как видоизменился бы требуемый размер улучшений, если бы пропорция земледельцев в составе населения возрастала.

Предположим, что в том году, с которого начинается наш счет, земледелием занималась ровно половина населения, а другая половина занималась другими производительными работами, или непроизводительным трудом, [или, наконец, безделием]. Положим теперь, что из прибавляющихся людей поступают в занятие земледелием больше половины, то есть если некоторые сыновья земледельцев становятся ремесленниками, купцами и так далее, зато большее количество между сыновьями ремесленников, купцов и т. д. становятся земледельцами. Положим, что этот перевес в обращении людей к земледельческим занятиям составляет одну десятую часть всего приращения неземледельческих сословий. Для простоты расчета положим число земледельцев 10 миллионов, а всего населения 20 миллионов. Будем считать результаты размножения по 25-летнему периоду удвоения.

При этом периоде удвоения процент размножения составляет, как мы знаем, 2,81138; значит, естественное приращение 10 миллионов земледельцев через год будет 281 138 человек. Вместе с ними к занятию земледелием из других сословий перешла одна десятая часть такого же числа (281 138) прибавочных людей, то есть 28 114 человек. Всего прибавится к прежним земледельцам 309 252 человека. По мальтусовой теореме производительность труда прибылых земледельцев уменьшается по проценту увеличения числа земледельцев. Теперь этот процент

у нас 3,09252. Посмотрим же, каков будет продукт второго года, предполагая, что в первом году продукт был 1 на каждого жителя или 2 на каждого человека в земледельческом населении.

Прежние 10 милл. земледельцев попрежнему произвели 20 милл. единиц продовольствия.

Продукт новых 309 252 земледельцев определится по пропорции:

$$X : 2 \times 309\,252 = 10\,000\,000 : 10\,309\,252.$$

Из этого получается: $X = 599\,950$.

Итого, земледельческий продукт второго года 20 599 950 единиц продовольствия, между тем как население возросло до 20 562 276. Таким образом без всяких земледельческих усовершенствований продукт возрастает быстрее населения, — падение производительности прибылых земледельцев с избытком вознаграждается тем, что пропорция земледельцев в населении возрастает. Благодаря этому продовольствие жителей становится даже обильнее прежнего: в первый год приходилось по 1,00000 продовольствия на жителя, во второй год уже по 1,00435.

Надобно, впрочем, сказать, что такое влияние возрастания пропорции земледельцев будет постепенно ослабевать и, наконец, явится надобность в земледельческих усовершенствованиях. Впрочем, никогда совершенно не исчезнет противодействующее упадку производительности от размножения влияние возрастающей пропорции земледельцев, и потому требуемый процент улучшений всегда будет несколько меньше того, какой нужен при неизменной пропорции земледельцев. Насколько именно ниже будет он при данных величинах цифр на разных расстояниях времени от первого года, мы не будем высчитывать, во-первых, потому, что расчеты были бы слишком длинны, а, во-вторых, — и это главное, — потому, что в странах с оседлым населением никогда не бывало в действительности такого хода дел, чтобы с размножением населения пропорция земледельцев в составе населения увеличивалась.

В действительности ход дела всегда был противоположного характера. Число городского населения всегда росло в прогрессирующих странах быстрее, чем общее число населения, да и в самых селах число людей, занимающихся неземледельческими работами или ничем не занимающихся, росло быстрее, чем общее число сельского населения. Пропорция земледельцев в составе населения повсюду уменьшалась с размножением населения и с развитием цивилизации. Посмотрим хоть вокруг себя. В селах все увеличивается пропорция людей, живущих каким-нибудь ремеслом, торговлей и не пашущих землю. В мелких городах, прежде занимавшихся исключительно хлебопашеством, все बढ़ающая и бóльшая пропорция жителей переходит к другим делам. Вообще городское население растет быстрее общего числа жи-

телей империи. Так шло дело постоянно во всех странах, вступавших на путь экономического прогресса; посмотрим же, какое влияние имеет эта перемена на величину улучшений, требуемых для уравнивания земледельческого продукта с размножающимся населением. Конечно, у каждого читателя уже готов ответ: при уменьшающейся пропорции земледельцев в составе населения нужен размер земледельческих улучшений больше того, какой достаточен при неизменной пропорции. Так. Но от самого ничтожного уменьшения пропорции земледельцев этот размер улучшений, нужных на покрытие земледельческого дефицита, растет по прогрессии, гораздо быстрее, чем, вероятно, предполагал бы читатель.

Предположим опять общество, имеющее 20 миллионов населения, в том числе ровно половину, — 10 миллионов земледельческого населения; положим опять 25-летний период удвоения, и положим, что из прибылых людей земледельческого населения бросает хлебопашество и переходит к другим занятиям одна десятая часть. Мы знаем, что прибылых людей в земледельческом населении явится ко второму году 281 138 человек; из них одна десятая часть (28 114) переходит к другим занятиям, а на земледелии остаются 253 024 человека. По мальтусовой теореме производительность труда прибылых земледельцев уменьшается по проценту увеличения общего числа земледельцев. Каков же будет земледельческий продукт второго года? Продукт прибылых земледельцев (полагая первоначальную производительность, как в прежнем примере=2) определяется по пропорции:

$$X : 2 \times 253\,024 = 10\,000\,000 : 10\,253\,024,$$

откуда $X = 493,560$.

Итак, с 20 000 000 единиц продовольствия, произведенных трудом прежнего числа хлебопашцев, весь продукт второго года без земледельческих улучшений будет только 20 493 560 единиц продовольствия, а между тем нужно, как мы видели в прежнем примере, 20 562 276 единиц продовольствия, потому что до такого числа людей возросло население. Оказывается дефицит в 68 716 единиц продовольствия. Этот недочет должен быть покрыт земледельческими улучшениями. Как же велик потребный для того размер улучшений, принимая первоначальную производительность= P ? Эта производительность, как мы видели из прежних разъяснений, должна быть поднята земледельческими улучшениями на столько, на сколько требуемый продукт выше продукта, получаемого без улучшений:

$$X : P = 20\,562\,276 : 20,493\,560.$$

Из этого получаем: $X = 1,003255$.

Посмотрите же, как разросся требуемый размер улучшений сравнительно с тем, какой был достаточен для 25-летнего пери-

ода удвоения при неизменности пропорции земледельцев. Тогда было достаточно годовичное улучшение в $0,07477\%$ ¹²⁰, теперь нужно оно в $0,3255\%$, то есть слишком в 4 раза больше. Тогда было достаточно усовершенствовать земледелие в течение столетия на $7,76\%$ ¹²¹, теперь нужно возвысить его в тот же период времени на $38,4\%$ ¹²², то есть в пять раз больше.

А между тем как ничтожно принятое нами уменьшение пропорции земледельцев! Ведь разница между 10 281 138 земледельцев, которые работали бы во второй год при неизменности пропорции, и 10 253 024 земледельцев, которые остались на работе по принятому нами изменению пропорции, — ведь эта разница составляет лишь немногим больше $\frac{1}{4}\%$ (0,276). От уменьшения земледельцев на одну четверть процента понадобился размер улучшений, слишком в четыре раза больший.

Что же будет, если пропорция земледельцев в составе населения уменьшается по прогрессии, более быстрой? Требуемый размер улучшений будет возрастать по прогрессии, еще несравненно быстрее, и при небольших цифрах уменьшения пропорции земледельцев он уже достигает той невозможной величины, о которой говорил Мальтус ¹²³. Вот для примера цифры. Если предположить, что одна четвертая часть людей, прибывающих к земледельческому населению, покидает занятие земледелием, то потребуется годовичный размер улучшения в $0,7313\%$, а вековой размер улучшения будет $107,22\%$; если же будет покидать земледельческие занятия половина людей, прибывающих к земледельческому населению, то потребуется годовичный размер улучшений в $1,4062\%$, а вековой размер будет $303,86\%$. Трудно предположить возможность первой из этих прогрессий улучшения, а вторая уже явно невозможна. Что же будет, если земледельческие занятия будут покидаемы еще большим числом людей? А в действительной истории прогрессирующих стран уменьшение пропорции земледельцев обыкновенно бывало значительнее того, какое производится переходом половины прибылых людей земледельческого населения от земледелия к другим занятиям. Укажем в пример хотя на Францию. Перед революцией, лет 70 тому назад, в ней считалось около 24 милл. жителей, а теперь около 36 милл., так что приращение составляет около 50% . Число людей, занимающихся земледельческими работами, составляет теперь около половины всего населения. Какое число людей занималось земледелием около 1790 года, этого, разумеется, неизвестно в точности; но если бы только половина прибылых с того времени к земледельческому населению людей перешла к другим занятиям, то оказалось бы, что в 1790 году занималось земледелием 60% тогдашнего населения, и все количество людей, которым увеличилась пропорция неземледельческого населения, с той поры составляет только 10% нынешнего населения, или около 3 600 000 человек. Кто не видит, что такое число

слишком мало? Население одного Парижа увеличилось в эти 70 лет почти на миллион не размножением прежних жителей, а приливом людей из провинции¹²⁴, население всех других городов также возросло этим путем и в большей части городов удвоилось; в самых селах по крайней мере удвоилось число людей, занимающихся не земледелием, а заводскими, фабричными, ремесленными и другими делами. Если же более чем 3 600 000 из нынешних 17 или 18 милл. неземледельческого населения перешли в это население из земледельческого, то масса перешедших составляет более половины из прибыли земледельческого населения с 1790 года.

Да, Мальтус был прав, говоря, что с размножением населения является не победимый никакими земледельческими улучшениями дефицит земледельческого продукта, дефицит, производящий нищету с ее последствиями. Мальтус ошибся только тем, что остановился на одновременности этих двух явлений и голословно назвал одно из них причиной другого, между тем как связь между ними только связь одновременности, а не причинности, и происходят они не одно из другого, а каждое имеет свою особенную причину. Размножение производится успехами земледельческой техники, улучшением в качестве труда, улучшением обычаев и законов, вообще успехами цивилизации. Дефицит производится тем, что, несмотря на успехи цивилизации, еще остается в жизни общества слишком много варварских отношений, искажающих характер цивилизации. Одно из этих искажений мы рассмотрели теперь: оно состоит в том, что городские и вообще неземледельческие занятия и праздная жизнь развиваются на счет земледельческих занятий быстрее, чем допускалось бы успехами земледельческой техники, без вреда для нации. Всему в общественной жизни существует своя мера, нарушать которую нельзя без вреда для нации. Конечно, прекрасно заботиться об изящной жизни. Но если нация будет отнимать на эти заботы от земледелия больше рук, чем дозволяется успехами земледельческого искусства, нация будет терпеть недостаток в хлебе, хотя бы не размножалась, все равно. Просим читателя вспомнить наш этюд о выгодном и убыточном производстве (стр. 62—75) и о распределении покупательной силы (стр. 150—153). [Когда покупательная сила в руках одного человека, а голод находится в желудке другого человека, то пища для этого другого человека не будет произведена, хотя бы природа не поставляла никаких препятствий произвести ее].

Несоразмерно нуждам нации и размеру успехов земледельческой техники отвлечение рук от земледелия к другим занятиям или переход их к праздной жизни, — вот одна из причин дефицита в земледельческом продукте. Другую причину мы увидим, если вникнем в характер факта, который называется земледельческим улучшением.

Каков общий экономический характер всякого улучшения в каком бы то ни было производстве? Производство может улучшаться или от улучшения в качествах труда, то есть в качествах работника, или от улучшения в орудиях производства (улучшение материала бывает следствием улучшения в его производстве, то есть опять-таки в работнике или в орудиях). Чтобы приготовить более искусного работника, нужна затрата капитала на его подготовку делу; чтобы вложить в него более усердия к делу, опять-таки нужна затрата капитала на усовершенствование житейской обстановки работника (читатель знает, что никакое улучшение общественного быта не происходит без усилий, то есть без затраты труда, а возможность затраты труда дается затратою капитала). О том, что улучшение орудий производства составляет затрату капитала, нечего и говорить. Все эти затраты таковы, что дают выручку не в один оборот производственной операции, а лишь в целый длинный ряд операций, то есть все они принадлежат к разряду основного капитала. Таким образом, всякое улучшение производства есть ни больше, ни меньше, как увеличение основного капитала. Но всегда ли бывает выгодно увеличение основного капитала для владельца капитала, когда бывает выгодно для нации? Это еще вопрос. Отвечать на него очень легко.

Предположим общество, имеющее 10 000 населения или 2 000 семейств с 2 000 взрослых мужчин, о которых и будем исключительно говорить, для простоты гипотезы принимая взрослого мужчину представителем элементов производства, распределения и потребления за всю семью. Пусть, по своему быту, эти мужчины распределяются таким образом:

1 000 хлебопашцев;
500 человек, занимающихся другими отраслями выгодного труда;
400 работников, занятых убыточным трудом;
100 землевладельцев и капиталистов, по найму которых работают остальные 1 900 членов общества;

Итого 2 000 человек.

Для простоты гипотезы оставим в стороне все другие отрасли производства и все другие элементы рабочей платы, кроме земледелия и хлеба.

Положим, что на продовольствие нужно по 4 четверти хлеба на человека и 1 000 земледельцев производят 40 000 четвертей, по 40 четвертей каждый.

Положим, что рента и прибыль капиталистов составляют одну четвертую часть продукта, то есть 10 000 четвертей. Остальные 30 000 четвертей будут составлять рабочую плату, которая таким образом будет 30 четвертей на работника.

Таково было положение общества в первый год. Положим теперь, что это общество размножается по 2%. Для простоты ги-

гипотезы надобно положить, что пропорция земледельцев и рабочая плата остаются неизменны. Посмотрим же теперь, что будет с обществом во второй год.

При быстроте размножения в 2% по мальтусовой теореме оказывается нужным для покрытия дефицита размер улучшений в 0,0385%¹²⁵, для легкости счета положим в 0,04%. При таком размере улучшения 1 020 хлебопашцев второго года произведут попрежнему 40 четвертей каждый, всего 40 800 четвертей, и в населении, размножившемся до 10 200 человек, попрежнему придется на каждого жителя 4 четверти, требующиеся для полного продовольствия человека. Если же улучшение не будет произведено, то в продукте второго года окажется недочет в 0,04% против требующегося продукта, то есть недочет в 16,32 четверти, положим для легкости счета в 16 четвертей. Считая по 4 четверти на человека, оказывается, что недостает продовольствия для 4 человек, и возникает такой размер нищеты и разных лишений, что 4 человека погибнут.

Спрашивается теперь, будут ли произведены требуемые улучшения или не будут?

Дело зависит от того, какое количество труда нужно для производства улучшений, дающих в продукте увеличение на 16 четвертей.

Быть может, для этого требуется защитить участок в 4 десятины небольшою канавою от весенней воды, текущей на него с соседнего холма и смывающей посев; эту канаву могут вырыть в течение года 2 работника. В таком случае затрата капитала на производство улучшений будет составлять 60 четвертей (наем 2 работников с платою по 30 четвертей). Обращение 60 четвертей хлеба в основной капитал даст 16 четвертей дохода, — это значит, что затраченный капитал даст прибыль в 27%. Нет ни одного рассудительного земледельца или капиталиста в Европе, который с радостью не сделал бы такого улучшения. Если бы нужны были только такие улучшения, не существовало бы нищеты в Европе.

Но, быть может, уже защищены такими канавами все поля, нуждающиеся в них, и требуемое улучшение состоит в том, чтобы осушить болото, занимающее 4 десятины. Если они будут осушены, каждая из них даст 4 четверти, и 16 четвертей дефицита будут покрыты этим улучшением. Но осушение болота требует годовичного труда 10 человек, то есть (по 30 четвертей на наем работника) требует затраты в 300 четвертей. 16 четвертей прибыли на этот капитал составляет только с небольшим 5%. В некоторых странах лишь немногие землевладельцы пренебрегут таким доходом, а большая часть почтут улучшение выгодным для себя. В таких странах большая часть дефицита покрывается улучшением, и нищеты будет не очень много. В других странах такой процент прибыли для всех рассудительных капиталистов пока-

жется слишком мал, не будет сделана никакая часть требуемого улучшения, и действие дефицита обнаружится в полной силе. Вот именно об этом случае говорит Милль в главе о возрастании капитала, объясняя, что размер производимых улучшений зависит от того, какая величина процента прибыли на капитал кажется капиталисту достаточно привлекательной.

Но существует еще третий случай. Быть может, уже осушены болота, осушение которых легко, и остаются невозделанными лишь какие-нибудь трясины, опоясанные холмами. Положим, что для осушения 4 десятин трясины, которые стали бы давать 16 четвертей, нужно прорыть довольно большой канал, устройство которого потребовало бы годовичного труда 200 человек, то есть (по 30 четвертей на наем работника) потребовало бы затраты 6 000 четвертей. На этот капитал прибыль 16 четвертей составит только 0,27%, то есть немногим больше $\frac{1}{4}\%$. Каково бы ни было расположение нации к бережливости, до какой бы высокой степени ни доходило деятельное стремление к накоплению, никогда не может оно усилиться до того, чтобы прибыль в $\frac{1}{4}\%$ стала казаться привлекательной для рассудительного человека.

В самом деле, какое пожертвование должны были бы сделать землевладельцы и капиталисты для получения такой ничтожной прибыли? Припомним распределение работников между разными занятиями. В первый год у нас было 1 000 хлебопашцев, 500 других работников, занятых выгодным трудом, и 400 работников, занятых убыточным трудом. При размножении в 2% на второй год будет

1 020	хлебопашцев,
510	других выгодных работников,
408	работников, занятых убыточным трудом.

Итого 1 938 работников.

Из этих трех классов один только класс работников, занятых убыточным трудом, служит источником, из которого без вреда для общества часть работников может обращаться на производство сельскохозяйственных улучшений. Но именно этот класс и занимается теми делами, от которых зависит высокий комфорт и изящество жизни землевладельцев и капиталистов, — он состоит из домашней прислуги, из мастеровых, делающих предметы роскоши, из артистов и т. д. Для производства требуемого улучшения из этих 408 работников должны бы перейти к труду, имеющему своим результатом производство хлеба, 200 человек, то есть почти целая половина. Это значит, что домашняя обстановка землевладельцев и капиталистов сделалась бы вдвое менее блестящею, и они имели бы для своего потребления вдвое меньше предметов роскоши, чем прежде. Кто имел лакея и кучера, сохранил бы только лакея, потому что кучер обратился бы на производство улучшения; прежде этот человек имел свой эки-

паж, теперь он был бы принужден ходить пешком или ездить в омнибусе. Чем же вознаграждается такое пожертвование? Если улучшение не произведено, продукт второго года будет составлять 40 784 четверти; из них в ренту и прибыль капиталистов пойдет одна четвертая часть, то есть 10 196 четвертей. Если улучшение будет произведено, к этим 10 196 четвертям прибавится еще 16 четвертей, составляющих доход на затраченный капитал. Таким образом от производства улучшений доход землевладельцев и капиталистов увеличится на 0,15%, но для этого целый год они должны были бы жить вдвое скромнее прежнего. Такое скряжничество не в натуре человека; никто из рассудительных людей не решится на него.

Но если производство требуемого улучшения в этом последнем случае несовместно с выгодами землевладельцев и капиталистов, то совершенно не таково оно по отношению к потребностям нации. Мы видели, что для нации вопрос о производстве или непроизводстве улучшений составляет вопрос о сохранении благосостояния или о появлении нищеты, простирающейся до того, что входит в нацию голодная смерть. Для нации дилемма такова, что рассудительному обществу нельзя колебаться в выборе: для него представляется выгодным не пощадить никаких усилий, лишь бы избежать сельскохозяйственного дефицита. Дело состоит только в том, имеет ли общество возможность исполнить нужное ему дело, произвести требуемое улучшение. В нашем примере оно имеет эту возможность. В нем считается на второй год 408 таких работников, труд которых нисколько не содействует благосостоянию общества; без вреда для себя оно может обратить какую потребуются часть или всю массу их на производство сельскохозяйственного улучшения. Поэтому для получения требуемых на пополнение дефицита 16 четвертей хлеба оно может не с потерей, а с пользой для себя произвести улучшение, требующее годовичного труда 200 человек, то есть затраты 6 000 четвертей хлеба; может с пользой для себя произвести даже такое улучшение, которое потребует годовичного труда 408 работников, то есть затраты 12 240 четвертей на прибавку в продукте, дающую всего лишь 16 четвертей, то есть всего лишь 0,13% прибыли на капитал; для капиталиста затрата в видах такой ничтожной прибыли просто нелепа; но общество руководилось бы тут вовсе не расчетом процентов прибыли на капитал, а просто потребностью избежать страданий, которые были бы порождены сельскохозяйственным дефицитом. Пока на это дело употребляются руки людей, которые другими своими занятиями не содействовали бы благосостоянию общества, всякая прибыль от их труда над сельскохозяйственным улучшением составит чистый выигрыш для общества. Подобно капиталистам, общество начнет рассчитывать величину прибыли на затраченный капитал лишь тогда, когда обращаемые на производство руки отрывались бы от других выгодных об-

щество занятий. Выгодно ли будет обществу обратить на производство земледельческого улучшения часть других работников, занятых другим выгодным трудом, — это уже определится расчетом прибыли, которая дается их трудом в этих двух разных случаях. Например, если годичный труд ткача производит триста аршин холста или коленкора на одежду 10 человек, то не выгодно было бы оторвать этого ткача от прежнего дела на работу над земледельческим улучшением, дающим лишь одну четвертую часть процента, как в нашем предыдущем примере, когда трудом 200 человек (затратою 6 000 четвертей) дается прибавка продукта лишь в 16 четвертей. В этом случае труд одного человека над земледельческим улучшением производит прибавку продукта лишь в 0,08 четверти, а на продовольствие человека в год нужно, по нашей гипотезе, 4 четверти хлеба, стало быть, годичная работа одного человека над земледельческим улучшением послужит к снабжению пищею лишь одного человека в течение лишь одной недели; а если ткач покинет для этого прежнюю свою работу, то 10 человек на целый год останутся без удовлетворительной одежды; такой промен не выгоден для общества: оно от него потерпело бы в одежде гораздо большую массу недостатка, чем на сколько облегчилось бы недостатком продовольствия. Но без всякой потери для общества могут быть обращаемы на производство земледельческих улучшений все те руки, которые не заняты выгодным для общества производством: какова бы ни была прибавка от их труда к земледельческому продукту, она будет составлять чистый выигрыш. А пока дело идет о снабжении общества достаточным продовольствием, выгодным для общества трудом бывает лишь производство предметов необходимости, и с точки зрения общественных потребностей представляются праздными или работающими [во вред] обществу все руки, занятые производством предметов не первой необходимости. О руках, ничего не делающих, мы уже не говорим.

Таким образом величина затраты основного капитала, которую общество может делать без всякого убытка для себя на земледельческие улучшения, определяется пропорцией количества людей, не занятых в обществе производством предметов первой необходимости, сравнительно с количеством хлебопашцев.

Мы видели, например, что при 25-летнем периоде удвоения требуемый годичный размер земледельческих улучшений составляет 0,074768%. Это значит, что если в обществе, размножающемся с быстротою, удваивающею число людей в 25 лет, нужно 10 000 четвертей хлеба для удовлетворительного продовольствия размножающегося населения в известном году, то без производства земледельческих улучшений оказался бы недочет около $7\frac{1}{2}$ четвертей, и надобно произвести в течение года такие улучшения, которые дали бы в продукте увеличение в $7\frac{1}{2}$ четвертей. Положим, что в этом обществе хлебопашеством занимаются

200 человек работников с семьями. Каждый работник должен произвести по 50 четвертей. Эти 50 четвертей мы назовем единицею земледельческого капитала. Положим теперь, что в обществе на 100 человек хлебопашцев считается 10 человек, занятых убыточными для общества производствами или не занятыми ничем. Все эти люди, без малейшей потери для общества, могут заняться производством земледельческих улучшений, и прибыль от произведенного ими улучшения составит чистый выигрыш для общества. В нашем обществе находится 20 таких людей, соответственно предположенному числу 200 хлебопашцев. Итак, производством улучшения, дающего $7\frac{1}{2}$ четвертей, общество может занять 20 человек. Какой же доход будет произведен трудом каждого из них, сравнительно с единицею земледельческого капитала? Если труд 20 человек дает доход в $7\frac{1}{2}$ четвертей, то очевидно, что труд каждого из них даст 0,375 четвертей, а единица земледельческого капитала принята у нас в 50 четвертей. На этот капитал 0,375 четверти составляют 0,75%. Из этого видим, что если в данном обществе при 25-летнем периоде удвоения число рук, праздных или занятых производством предметов не первой необходимости, составляет одну десятую часть числа земледельцев, то общество с выгодою для себя могло бы производить даже такие земледельческие улучшения, которые давали бы в продукте лишь $\frac{3}{4}\%$ на затраченный капитал. Точно таким же образом может быть найден предел выгодного для общества дохода от земледельческих улучшений при всякой другой пропорции числа праздных или занятых убыточным трудом людей, сравнительно с числом земледельцев. Для соображения представляем здесь в таблице цифры некоторых пропорций ¹²⁶.

На 100 земледельцев приходится в обществе праздных или занятых убыточным для общества трудом людей	Величина выгодного для общества дохода от земледельческих улучшений, считая затраченный на них капитал—100
--	--

1	7,47680
2	3,73840
3	2,49227
4	1,86820
5	1,49536
6	1,24613
7	1,06811
8	0,93410
9	0,83076
10	0,74768
20	0,37384
30	0,24923
40	0,18682
50	0,14954
60	0,12461
70	0,10681
80	0,09341
90	0,08308
100	0,07477

Мы так привыкли оценивать все денежным счетом, что размер и характер экономических понятий становится иногда ясен для нас лишь по выражению результатов их в деньгах. Переведем же полученные нами выводы в денежный счет.

С точки зрения мальтусовой теории плата работнику подразделяется на две части: одна идет на продовольствие работника и его семейства пищею, другая на удовлетворение остальных потребностей работника. Предположив, что расходы работника на пищу составляют $\frac{2}{3}$ всех его расходов, а расходы на жилище, одежду и все другие надобности только $\frac{1}{3}$ суммы расходов, мы, конечно, положим для этой второй части величину слишком малую, следовательно, для первой слишком большую. Но положим все-таки, что на пищу идет $\frac{2}{3}$ расходов работника, то есть $\frac{2}{3}$ рабочей платы.

Никто не говорит, что количеству одежды, жилищ и других надобностей, кроме пищи, трудно возрастать с такою же быстротою, как размножается население, и в вопросе о трудности затраты капитала на увеличение производства понимается только одна часть капитала, пища. Потому для определения числа работников, которых может обратить общество на производство земледельческого улучшения, надобно считать только количество нужной им пищи.

На семейство с одним взрослым мужчиною в годах, способных к работе, обыкновенно полагают 4 человека детей, женщин и стариков. Положим на продовольствие одного человека в общем счете населения по 4 четверти хлеба. Если так, на продовольствие работнику с семейством нужно средним числом 20 четвертей. На 100 000 четвертей будет содержаться 5 000 работников.

Полагая цену четверти хлеба в 3 рубля, мы видим, что на продовольствие себя и семейства работник должен израсходовать 60 руб. сер. Это, по принятой нами пропорции, составляет $\frac{2}{3}$ всех его необходимых расходов. Итак, средняя величина рабочей платы будет ($\frac{2}{3} : 1 = 60 : X$; из этого $X =$) 90 рублей.

Таким образом, затрата 100 000 четвертей для получения 374 четвертей прибавки¹²⁷ в продукте соответствует расходу в 450 000 р. на наем 5 000 работников ($90 \times 5\,000 = 450\,000$).

Что ж это такое, возможность затрачивать 450 000 р. для получения дохода в 374 четверти, при цене хлеба в 3 р. четверть и при рабочей плате в 90 р. за год? Какие же это земледельческие улучшения возможны при такой величине затраты капитала?

Вы скажете: «дренаж, жидкое удобрение, кормление скота в стойле», — нет, вы берете слишком, слишком низко; эти улучшения дают прибавку в 374 четверти при затрате каких-нибудь 20 или 15 тысяч рублей. Вы скажете: «возделывание хлебных нив в таком совершенстве, как ныне возделываются огороды», —

все еще слишком низко; тут довольно затратить на десятину каких-нибудь 200 рублей, и десятина даст, наверное, прибавку больше, чем в 1 четверть, сравнительно с плодопеременной системой, и на получение прибавки в 374 четверти понадобится затратить всего каких-нибудь 40 или 50 тысяч рублей. Слишком, слишком низко; есть возможность производить улучшения несравненно более высокие. Положите, что десятина даст только 5 четвертей урожая; для получения 374 четвертей довольно будет обратить 75 десятин неудобной земли в удобную, то есть можно тратить на это по 6 000 рублей на десятину. При такой затрате можно покрыть нивами всю, какую хотите, бесплодную степь, обратить всю Сахару в цветущую землю.

Но ведь мы производили расчет по 25-летнему периоду удвоения, а сами же видели, что он невероятно краток, что быстрейший возможный период удвоения надобно считать около 35 лет. При таком периоде размер возможной затраты капитала еще возрастает в огромной пропорции. Вот для соображения таблица¹²⁸ низших пределов выгодного для общества дохода от земледельческих улучшений при этом периоде, с расчетом того, по сколько может общество расходувать на обращение десятины неудобной земли в удобную (расчет этот составлен на том же основании, по какому выведена возможная затрата 6 000 р. на десятину при 25-летнем периоде удвоения и при возможности занять производством улучшения 20 работников на 100 хлебопашцев).

Число людей правдных или занятых убыточным для общества трудом на 100 хлебопашцев	Процент наименьшего вы- годного для общества дохо- да от земледельческих улуч- шений, считая затраченное на содержание работников колич. хлеба—10 000 000	Сумма, которая с выгодою для общества может затра- чиваться на обращение неудобной земли в удобную при цене четверти хлеба 3 р. сер.
1	3,84443%	588 рублей
2	1,92221 »	1 176 »
3	1,28148 »	1 764 »
4	0,96111 »	2 351 »
5	0,76888 »	2 939 »
6	0,64074 »	3 527 »
7	0,54929 »	4 150 »
8	0,48056 »	4 703 »
9	0,42716 »	5 291 »
10	0,38441 »	5 879 »
20	0,19222 »	11 757 »
30	0,12815 »	17 636 »
40	0,09611 »	23 514 »
50	0,07689 »	29 393 »
60	0,05407 »	35 271 »
70	0,05492 »	41 150 »
80	0,04805 »	47 029 »
90	0,04272 »	52 907 »
100	0,03844 »	58 786 »

Читатель понимает, что значат эти цифры наименьшего дохода и наибольшей затраты капитала. Если общество может, не

отрывая от других выгодных производств, обратить на производство земледельческих улучшений такое число работников, которое равняется, например, одной пятой части хлебопашцев (в последней таблице 20 на 100), то при всевозможной быстроте размножения это общество не должно терпеть недостатка в продовольствии до той поры, пока будут произведены все улучшения, дающие в продукте прибавку в $\frac{1}{5}\%$ (или, собственно говоря, несколько меньше, только 0,192%), сравнительно с количеством хлеба, потребленного работниками, производившими улучшения, или, иначе говоря, пока не будут обращены в пашню все те неудобные земли, обращение которых в удобные для хлебопашества земли требует расхода меньше чем в 12 тысяч рублей на десятину (при цене хлеба в 3 рубля за четверть; при цене более высокой пропорционально поднялась бы и сумма наибольшей возможной затраты; наприм., при цене хлеба в 6 р. за четверть — затрата в денежном счете обозначалась бы цифрой вдвое большею, около 24 тысяч рублей). Само собою разумеется, что соразмерной величины достигает и наибольшая возможная затрата на увеличение продукта с земель, уже возделываемых. Основанием счета затраты на обращение неудобных земель под пашню принята величина сбора в 5 четвертей с десятины такой земли; это значит, что для увеличения сбора с возделываемых земель на одну четверть с десятины можно затрачивать более 2 300 рублей, или для увеличения сбора на $\frac{1}{10}$ четверти затрачивать более 230 рублей на десятину земель, уже возделанных. А пока не произведены все улучшения, дающие такой малый процент дохода на затрачиваемый капитал, пока можно делать улучшения, дающие больший процент дохода в земледельческом продукте, — до той поры, несмотря на всевозможную быстроту размножения, будет оставаться излишек против нормы потребления предыдущего года, то есть на каждого жителя будет приходиться пищи больше прежнего, то есть благосостояние общества по отношению к продовольствию будет все возвышаться с каждым годом, даже при самом быстром размножении, какое только допускается устройством организма.

Если судить по понятиям настоящего, то надобно сказать, что мы не в силах даже вообразить, чтобы когда-нибудь не оставалось в какой бы то ни было стране возможности производить бесконечную массу земледельческих улучшений, дающих более $\frac{1}{5}\%$ на часть капитала, потребную работникам в виде пищи. Вся страна должна обратиться, не говорим в огород или сад, — нет, в одну сплошную массу оранжерей прежде, чем дойдет до надобности в земледельческих улучшениях, дающих менее такой ничтожной пропорции дохода.

Общее заключение

Многое хотелось бы мне сказать еще о вопросе, поднятом теориею Мальтуса. Но и так уже слишком много страниц занято предыдущими разъяснениями; размер книги не позволяет увеличивать число их. Это было бы еще ничего; но, к сожалению, есть и другая причина, по которой не могу я довести исследование до пределов, какие следовало бы дать им; я уже указал эту причину. Я не имею теперь тех знаний, какие были бы нужны для дальнейшей разработки вопроса. Предоставляю продолжать дело людям, образованию которых счастье благоприятствовало больше, чем моему, и которым оно дало больше, чем мне, досуга от черной работы. Мне пора кончить.

Покидая исследование, которого не хотелось бы покидать, сделаю очерк положения, в каком теперь остается дело.

Мальтус оказал науке великую услугу, резко выставив тот факт, что на одном и том же количестве земли, при одном и том же состоянии общественных отношений и земледельческой техники, — словом сказать, при равенстве всех остальных условий, производительность труда одного хлебопашца бывает тем больше, чем меньше число хлебопашцев, и наоборот, чем больше общее число хлебопашцев, тем меньше производительность труда каждого из них.

Но принявшись за исследование с реакционной целью, Мальтус прекратил исследование, лишь только показалось ему, что оно привело его к специальной цели, дало ему аргумент против радикальных теорий.

Поэтому вопрос остался недостаточно исследованным, и выводы Мальтуса оказываются сделанными опрометчиво, не соответствующими истине.

С какою быстротою стали бы размножаться люди, если бы нищета не задерживала размножения, истребляя людей голодом, дикими отношениями, болезнями? 25-летний период удвоения, казавшийся Мальтусу очень возможным, оказывается невозможным по самому устройству человеческого организма. Вероятно, что наикратчайший возможный период удвоения почти наполовину длиннее этого срока. Люди по самому устройству организма, при полнейшем благосостоянии, едва ли могли бы размножаться с быстротою более 2% в год, по периодам удвоения менее, чем в 35 лет.

Процент рождений, необходимый для такой быстроты размножения при совершенном отсутствии всякой нужды и всяких ее последствий, — этот процент размножения возможен только при чрезвычайной грубости нравов, при глубоком невежестве массы, при обычаях, рожденных нищетою. Он изнурителен для

организма женщины, не говоря уже о том, что достигается лишь [при поправлении всех естественных влечений женщины и совершенном порабощении ее мужчинами].

По мере улучшения общественных отношений и домашнего быта процент рождений должен уменьшаться без малейшего стеснения органических влечений человека. Вопрос состоит только в том, как высока степень просвещения массы, приводящая к такому проценту рождений, который был бы едва достаточен для покрытия наименьшей смертности, неизбежной по устройству организма при полном благосостоянии. Судя по тому, какая огромная часть рождений производится ныне только чрезмерною грубостью семейных отношений и моральных понятий в массе населения самых передовых стран, надобно полагать, что при улучшении быта массы, даже не очень значительном, размножение прекратилось бы. Но чтобы определительнее указать эту степень, нужны исследования, которых мы не могли сделать.

Впрочем, каков бы ни был размер прогресса в материальном и умственном быте массы, требующийся для приведения числа рождений в соразмерность с силами и естественными влечениями женщины, — каков бы ни был размер этого прогресса, сначала задерживающего, а потом совершенно останавливающего размножение, нынешнее положение земледельческой техники таково, что она в силах на несколько веков предотвратить при какой угодно быстроте размножения дефицит в земледельческом продукте, если только захотят заботиться об этом сами люди.

Прогрессию, по которой ослабевает при размножении хлебопашцев, без производства улучшений, производительность земледельческого труда, Мальтус не позаботился определить сколько-нибудь порядочным образом и говорил о ней точно так же опрометчиво, как о способности людей к размножению. Для основательного определения этой прогрессии нужна очень многосложная разработка кадастровых и вообще агрономических данных по каждой стране, — ничего подобного не сделано ни Мальтусом, ни его последователями. При такой неизвестности предмета до сих пор нельзя сказать ничего положительного о размере улучшений, какой требовался бы действительно для покрытия дефицита в земледельческом продукте или для уравнивания этого продукта с потребностями размножающегося населения. При нынешнем состоянии сведений видно только, что прогрессия уменьшения производительности, представлявшаяся сбивчивому взгляду Мальтуса на этот предмет, несравненно сильнее всех действительных прогрессий (различных для разных стран), а потому и размер земледельческих улучшений, требуемых на покрытие дефицита, в действительности гораздо меньше того, какой представлялся Мальтусу. Для разных стран

1

этот действительно требующийся размер улучшений, конечно, различен по различию пропорций между пространствами земель разной степени плодородия и разной затруднительности обращения неудобных земель в удобные. Но составленное наобум понятие Мальтуса об этом предмете предполагает нужным размер улучшений, какого, конечно, не нужно ни в одной стране.

Однакоже, взяв даже тот размер улучшений, какой следует из преувеличенных понятий Мальтуса, мы находим, что человеку было бы вовсе нетрудно производить улучшения и в этом размере, далеко превышающем норму действительной надобности. Так, например, мы нашли, что если общество имеет $\frac{1}{5}$ часть людей, занятых убыточными производствами или ничем не занятых, то обращением этих людей к производству сельскохозяйственных улучшений оно отвратило бы от себя всякий недостаток продовольствия до той поры, пока вся страна не была бы возделана с таким совершенством, примером которому теперь мог бы служить разве только уход за цветами, растущими в оранжереях, — люди, не встречая недостатка в продовольствии, могли бы размножаться до такого числа, для продовольствия которого потребовалось бы возведение земледелия выше совершенства, по громадной затрате основного капитала, соответствующего оранжерейному делу. А в каждой цивилизованной стране число людей, занятых убыточными производствами или ничем не занятых, составляет, конечно, пропорцию больше чем в 20%, сравнительно с числом хлебопашцев.

Поэтому ни в одной из цивилизованных стран сельскохозяйственный дефицит не происходит от законов внешней природы. Напротив, причины его находятся в человеческих отношениях. Мы коснулись двух из этих отношений. Земледельческое улучшение, подобно всякому другому техническому улучшению, состоит, главным образом, в увеличении основного капитала. Мы видели у Милля, что основной капитал не может без вреда для нации возрастать и обыкновенно не возрастает иначе, как обращением в капитал прибыли и ренты. Но прибыль и рента, когда отделяются фактически от рабочей платы, обращаются в капитал не иначе, как в тех случаях, если процент дохода представляет достаточную привлекательность для человека, желающего жить не рабочею платою, а доходом с капитала. Величина процента, дающая такую привлекательность обращению прибыли и ренты в капитал, различна в разных странах; но не бывало никогда примеров, чтобы она спускалась ниже 2% — обыкновенно стоит она гораздо выше даже в самых передовых странах. Между тем, для нации была бы выгодна затрата капитала на сельскохозяйственные улучшения для покрытия дефицита в продукте, хотя бы доход составлял несравненно меньшую, в несколько десятков раз меньшую пропорцию к затраченному капиталу. Таким образом,

очень часто может представляться для нации надобность в земледельческих улучшениях, которые давали бы на затраченный капитал гораздо меньше дохода, чем сколько нужно для того, чтобы затрата стала привлекательна по величине дохода от нее для людей, живущих рентою или прибылью, а не рабочей платою. В таких случаях рента и прибыль не обращаются в капитал, а потребляются непроизводительным образом и остаются не произведены те земледельческие улучшения, какие были бы нужны для предотвращения дефицита в земледельческом продукте.

В этом заключается одна из причин недостаточности земледельческого продукта на прокормление размножающегося общества. Другую служит та повсеместная черта прогресса, при существующих экономических отношениях, что пропорция хлебопашцев в составе населения уменьшается. Покупательная сила, распределяющая работников по разным занятиям, сама распределяется так, что при успехах цивилизации число работников, занятых убыточными для общества производствами, возрастает быстрее числа работников, занятых выгодными для общества производствами, и в особенности быстрее, чем число хлебопашцев. Значительная часть людей, прибывающих естественным размножением к числу хлебопашцев, выходит из этого сословия, а из других сословий почти никто не переходит к нему. Между тем, размер улучшений, требуемых на уравнивание этой убыли в пропорции хлебопашцев, возрастает по прогрессии, несравненно быстрее, чем идет цифра самой убыли, и даже при не очень значительной прогрессии уменьшения пропорции хлебопашцев в составе населения недочет в продукте требует уже размера улучшений, далеко превышающего действительный ход их.

Когда мы примем в соображение силу этих двух обстоятельств, мы увидим, что дефицит в земледельческом продукте действительно неизбежен, как и говорил Мальтус; только не так, как говорил он, происходит этот дефицит, — не от законов природы происходит он в цивилизованных обществах, а просто от этих обстоятельств и неотвратим при их существовании, хотя бы размножалось население, хотя бы не размножалось. Могут ли быть устранены из общественной жизни дальнейшими успехами цивилизации сами эти обстоятельства, неотвратимо производящие дефицит, пока существуют, — это иной вопрос, относящийся уже не к теории производства, а к теории распределения. Но пока они существуют, остаются в полной силе действия над обществом те выводы мальтусовой теории, которые нимало не оправдываются теориею производства. Пока существуют эти обстоятельства, масса не может выбиться из нищеты с ее последствиями, и лучше массе не размножаться, как советовал Мальтус: [не жить лучше, чем жить в лишениях]. Жаль только, что совет Мальтуса

неудобоисполним по своему противоречию с человеческой природой. Человек не может переделать своего организма; потому думать людям следует не о переделке своего организма, по совету Мальтуса, а разве о том, не могут ли быть отношения между людьми устроены так, чтобы соответствовать потребностям человеческой природы. Вот вывод, которым напутствует нас теория производства, когда мы обращаемся к изучению теории распределения.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ